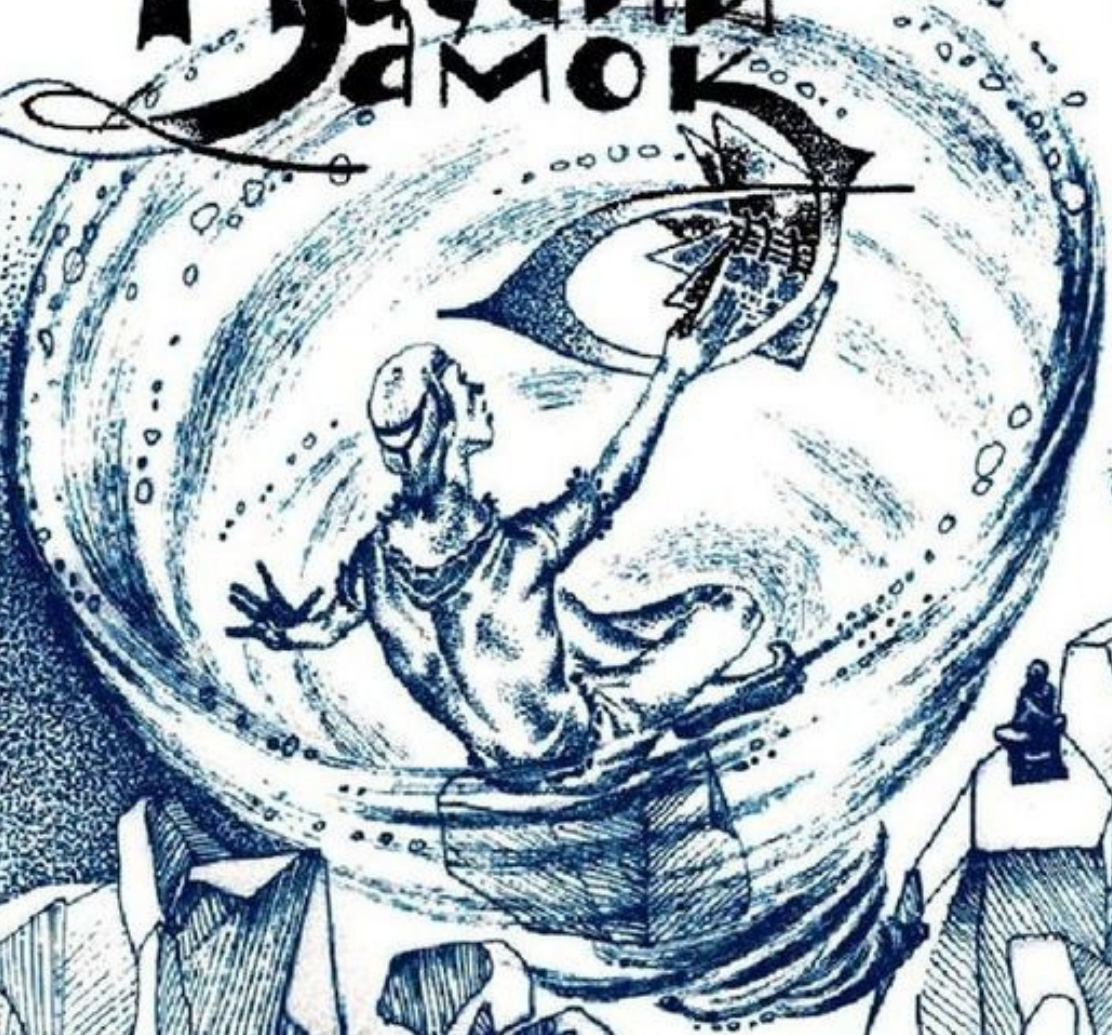

18+

Валентин Юрьев

Дядин Дамок

Иллюстрации
Ксении Заварзовой

Валентин Юрьев
Паучий Замок. Книга 1

«Издательские решения»

Юрьев В. Л.

Паучий Замок. Книга 1 / В. Л. Юрьев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513412-7

Мальчишки, два друга с планеты Земля, неведомым образом были перенесены сквозь космическое пространство на совершенно чужую и неизвестную планету. Здесь царит средневековье, планета бедна ресурсами, на ней нет даже деревьев, зато много камня и врагов, желающих ограбить любого. Какой будет их дальнейшая судьба?

ISBN 978-5-00-513412-7

© Юрьев В. Л.
© Издательские решения

Содержание

ПОДЗЕМЕЛЬЕ	8
РОДНОЙ ДОМ	15
КЛАН	19
ДУМАЮЩИЙ	24
СБОР АРТЕФАКТОВ	28
КНИГА	32
ДРАКА	39
ДОРОГА ОБРАТНО	45
ПОХОД 1-й ДЕНЬ	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Паучий Замок

Книга 1

Валентин Леонидович Юрьев

Иллюстратор Ксения Заварзова

© Валентин Леонидович Юрьев, 2020

© Ксения Заварзова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-3412-7 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-3413-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КНИГА 1 «ПАУЧИЙ ЗАМОК» ИЗ ЦИКЛА «ВОЛШЕБНИК КЕИ»

Мальчишки, два друга с планеты Земля, неведомым образом были перенесены сквозь космическое пространство на совершенно чужую и неизвестную планету. Здесь царит средневековье, планета бедна ресурсами, на ней нет даже деревьев, зато много камня и врагов, желающих ограбить любого жителя.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОДЗЕМЕЛЬЕ

РОДНОЙ ДОМ

КЛАН

ДУМАЮЩИЙ

СБОР АРТЕФАКТОВ

КНИГА

ДРАКА

ДОРОГА ОБРАТНО

ПОХОД 1-й ДЕНЬ

ПОХОД 2-й ДЕНЬ

ПОХОД 3-й ДЕНЬ

БИТВА У РЕКИ

ПРЯТКИ

ПОХОД ЗА ВЫМПЕЛОМ

БИТВА НА СКЛОНЕ

ОХОТНИК

НАЁМНИКИ

ВСТРЕЧА

ПОСВЯЩЕНИЕ

ПРАЗДНИК

ПЕЩЕРЫ

МАГИСТР

ВОЗВРАЩЕНИЕ

ГЛОССАРИЙ

ПОДЗЕМЕЛЬЕ

(рассказчик)

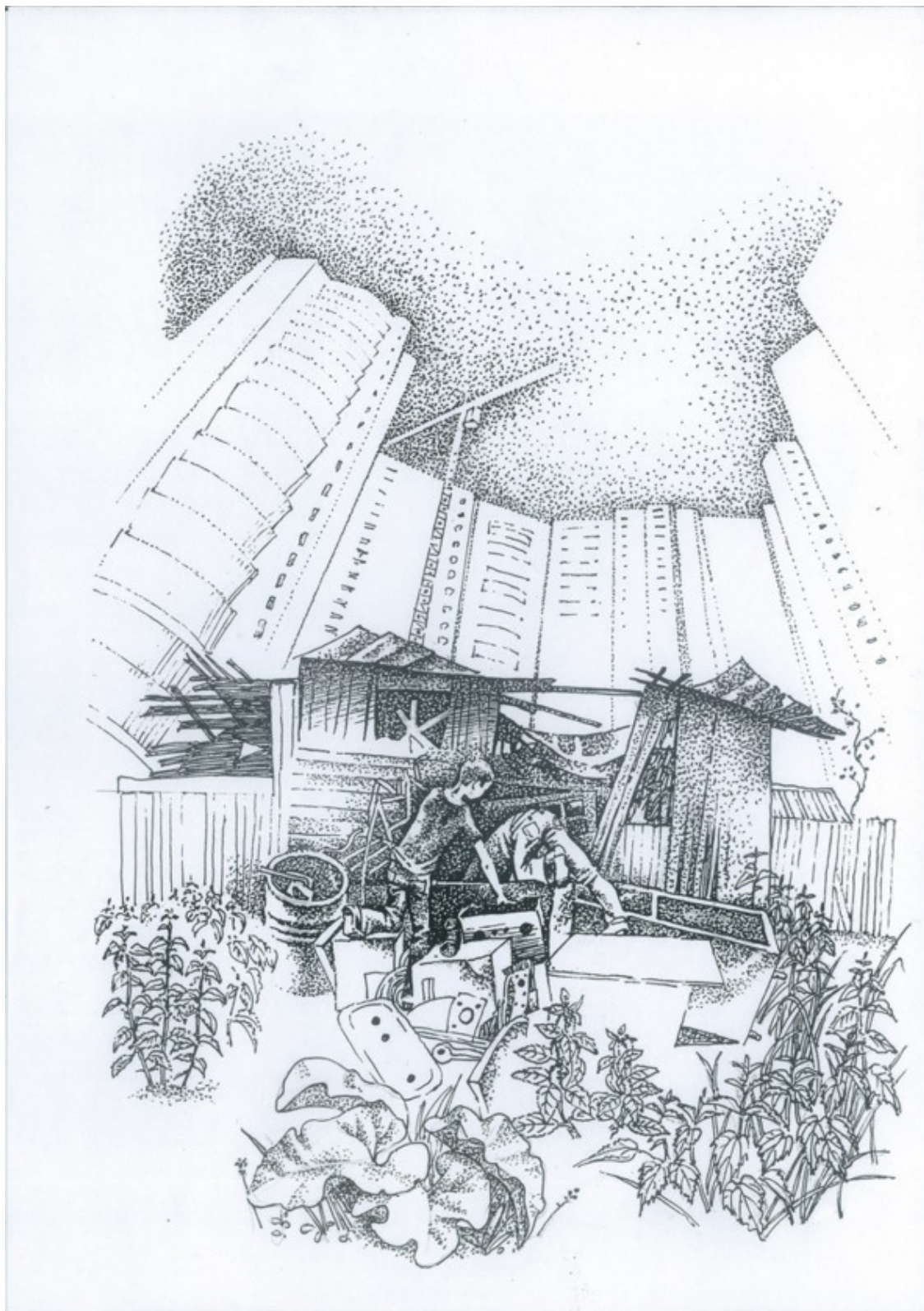
Эта часть старого двора сама по себе была необычна. Сюда скидывали всякий мусор: и тот, который не влезал в контейнеры, и тот, который просто лень было тащить через весь двор. Чего только не гнило и не ржавело в нём: старые матрасы, стреляющие ржавыми пружинами, временно используемые мальчишками в качестве батуты, останки стиральных машин, холодильников и другой бытовой техники, из которых местные пьяницы уже не могли отвинтить ничего полезного, осколки стеклотары, обрывки одежды, и прочая бесконечная дребедень отходов цивилизации.

Границы ареала защищали спины старых сараев, которые как рудименты сохранились в этой части города. Когда-то там держали дрова для печного отопления, а заодно и кроликов с курами, а когда провели повсюду газ и горячую воду, их гнилые внутренности заполнил бытовой хлам.

Проплесневелые крыши почти не защищали содержимое от дождя и снега, брёвна опор, державшие на себе всю тяжесть хлипких сооружений, не падали только потому, что стены уже вросли в землю и держались друг за друга, а ещё висели на бесконечном количестве гвоздей такой длины, что просто так разломать дряхлую крепость было невозможно. По этим гвоздям можно было изучать историю города за несколько веков, особенно поражали вываливающиеся иногда из трухи чёрных брёвен кованые рукотворные монстры с квадратным профилем и скобы, которые никакая ржавчина не брала.

Сюда бы бульдозер хороший, чтобы смести подчистую, но жильцы домов, такие же древние, как и эти дома, грудью стояли за свои личные владения и город сдался, кирпичные новостройки обошли их стороной и среди современных многоэтажек старый двухэтажный район казался большой нелепой опухолью.

В этом заброшенном углу всегда воняло гнилью, а поверху зарос он такой матёрой крапивой, пыреем, да снытью, что даже попытки их выкорчевать кончались крахом, природа оказалась сильнее жалких людишек с лопатами.

Было тут таинственно, пустынно и тихо, шум рядом кипящей городской жизни доносился слабо и это всегда привлекало вихрастых искателей приключений с горящими глазами. В своей загадочной стране они постигали основы кладоискательства, воровали потихоньку яйца из-под кур, учились курить и пить пиво тайком от родителей, а порою даже и ночевали на гнилых тюфяках, поссорившись с ними.

Это был непроницаемый, изолированный мир. Поэтому только кучка ворон увидела двух мальчишек, забравшихся в самую гущу колючих зарослей по своим невероятно важным делам. Стянув рукава футболок вниз, так, чтобы закрыть пальцы от крапивы, они медленно и сосредоточенно пробирались в самый нехоженный угол, прикрывая лица локтями.

Всё случилось так быстро, что маленькие головы даже не успели понять, что же, собственно, произошло, так хорошо двигались и вдруг – ощущение пустоты под ногами, полная потеря координации, нелепое падение и – темнота.

Сколько времени они провалялись, непонятно, хорошенько приложившись друг к другу лбами, оба, по-видимому, отключились на время, а очнувшись, сначала подумали, что умерли, но постепенно их тела своей болью начали подсказывать желание жить и выпутаться, выбраться из нелепой сплетенной в узел позы, в которую их закрутило.

Сначала каждый начал стонать, по привычке ожидая, что кто-то сейчас подбежит, участливо заголасит и вытащит, погладит, пожалеет, но никого рядом и быть не могло в этой неожиданной дыре, возможно, в старом колодце, из которого сверху еще сыпалась влажная, вонючая, мерзкая труха с жуками и камнями.

Вместе со стоном и болью, наконец пришло осознание того, что они живы. И что никто им сейчас не поможет. Первым очнулся Пашка, его реакции всегда отличались скоростью.

– Мишка, ты живой?

Вопрос был, конечно, риторическим, он и не ждал ответа, но услышав звук собственного голоса и Мишкины стоны, окончательно пришел в себя.

Руки и ноги мальчишек сплелись в запутанный змеиный клубок, каждый лежал на каких-то конечностях другого, а скользкая влажная земля не давала надёжной опоры, но постепенно Пашке удалось, упираясь лбом в Мишкины рёбра, и прокатившись по его голове, кое-как вытащить свои руки, а там уже и Мишка тоже зашевелился сам.

Постепенно они разъединились и начали тестировать свои тела, удивляясь тому, что при падении с такой высоты ничего не сломалось. Только ссадины на локтях и коленях слегка сочились кровью, но к этому им было не привыкать, да по всему телу краснели длинные красные полосы содранной кожи и царапин – следы торможения о края ямы.

Наконец, убедившись, что всё не так уж и плохо, сплёвывая изо рта труху и песок, они начали оглядывать место приземления. Да, похоже, что это был колодец, остатки брёвен старого сруба можно было разобрать в темноте, но, собственно, какая разница, куда они попали, надо было выбираться, да поскорее.

Когда перестала осыпаться всякая летающая дрянь, запершивающая глаза, удалось увидеть вверху настоящее тёмно-синее небо, в котором, как ни странно, светилась звезда, не очень ярко, но отчетливо.

– Ночь, что ли уже? – Пашка опять успел первым всё разглядеть и сделать поспешные выводы.

– Необязательно. Из колодца звёзды и днём видны.

Мишка, несмотря на медлительность, отличался большей основательностью своих знаний и его догадки часто были правильнее. Они потому и дружили. Их привязанность не одобряли Пашкины родители, простые работяги, имевшие обыкновение «принять», когда был повод и деньги, хотя первое было всегда, а со вторым – похуже. Боялись за сына и Мишкины интеллигенты, которым казалась очень странной и даже подозрительной связь их чистого, такого домашнего ребёнка с хулиганом и чуть ли не бандитом, державшим в страхе весь квартал, невзирая на юный возраст.

Они не знали, конечно, что однажды, «наехав» на хилого, на взгляд, пацана в маленьких очочках, Пашка, неожиданно для себя, получил хороший отпор. Маменькин сыночек, защищаясь от удара, успел захватить его пальцы и вывернул руку так, что от резкой боли гроза квартала взбрыкнул и сам грохнулся на землю, пытаясь освободиться от прилипчивого захвата.

Если бы рядом были свидетели, то пришел бы Мишке конец, но поскольку Пашкиного позора никто не видел, дело кончилось неожиданно мирно. Маменькин сыночек не убежал с поля боя, как это делали другие, что потрясло суровую рыцарскую душу хулигана, привыкшего побеждать. Он знал, что может раздавить очкарика, но уже заужал его как своего и с тех пор они не разлучались. Как огонь и вода они дополняли друг друга, и их различие было главной причиной неразделимости, они оба были нужны друг другу.

– У тебя же мобильник есть, глянь время.

Мишка, покопавшись, с омерзением и жалостью достал из кармана мелкое стеклянное крошево, сквозь которое, последний раз моргнув синеватым светом, вывалились осколки экрана, обнажив забавную мелкоту электронных схем и деталек.

– Был мобильник!

Маленькую игрушку было жалко. Сколько раз она развлекала их обоих, а сейчас могла бы помочь связаться с родителями.

– Блинн!

По Мишкиной просьбе Пашка не матерился в его присутствии, хотя умел делать это так, что уши скручивались, и Мишка краем сознания оценил то, что даже сейчас друг сдержался.

– Да ладно тебе, главное – башка цела.

Пашку не пришлось долго убеждать, его мозг уже и так сообразил, что пора уматывать отсюда, и поучительно-утешительные сентенции повисли в пустоте, потому что Пашка решительно полез вверх, пытаясь удержаться ногами на паре выпирающих из стенки полусгнивших брёвнышек и подтягиваясь за тонкие анемичные корни. И первый шаг подъёма ему удался.

Тогда он кинулся на стенку как таран, резко вбивая ноги на ребра подошв, а руками вразжим упираясь в желтый песок их тюрьмы. Мишка, стоя без дела, почему-то вспомнил, что на Востоке в такой же обычной яме держали узников, а еду им просто кидали, как собакам, через крышку, которую запирали на замок.

Но ход его мыслей прервал шумно дышавший верхолаз, который успел подняться почти на метр и вдруг с грохотом свалился на дно, мыча что-то невеселое. Вслед за ним, долбанув по голове, вывалившимся брёвнышком, сверху осыпался целый пласт песка, подняв тучу пыли и вони.

Теперь над головами виднелся неровный песчаный конус, пронизанный тонкими корнями деревьев, сверху начала капать откуда-то вода, развлекая слух тихими ритмичными звуками.

– Смотри, так совсем обвалится!

Мишкин поучающий тон, по-видимому, был не к месту, потому что Пашка взорвался и высказал всё, что он думал по поводу всяких тут учителей и подсказчиков, стоящих в стороне. Мишка хотел тоже ответить достойно тем поскокунчикам, которые сначала делают, а потом думают, но тут его взгляд рассмотрел в обнажившемся песке то, чего Пашка ещё не мог, валяясь в обвале, и чего они себе никак не могли представить в этой яме.

Чуть выше пояса обнажился кусок кирпичной кладки. Небольшой, но достаточный, чтобы разглядеть красные жирные бока кирпичей и светлые кресты цемента между ними. Ничего не отвечая на ворчание своего друга, Мишка опустился на корточки и прямо по его ногам прополз к этим кирпичам, даже не вспомнив, что сейчас здесь – самое опасное место, он просто лез туда, чтобы понять, на что они ещё напоролись.

Руки его сами начали отгребать песок в сторону и очищать древнюю стенку. То, что она очень старая, было понятно сразу, он с отцом не раз видел замшелые церкви и кирпич там был особенный, тяжелый, плотный, а не те красные лёгкие сухари, которые они частенько колотили во дворе на куски.

Пашка шевелился сзади, выбираясь из завала, кряхтя и чертыхаясь, потом странно притих, засопел и через пару минут Мишке в руку неожиданно протянулась пластина из дерева – маленькая самодельная лопата.

Работа пошла чуть быстрее. Мишка отгребал от стенки слежавшийся песок, а Пашка перемещал его куда-то дальше, под себя. Оба не смогли бы сейчас объяснить, зачем они это делали, ведь кирпичная кладка могла оказаться обычной глухой стеной и никакой пользы в ней не было, а чем глубже, чем дальше они раскапывали препятствие, тем больше закапывали самих себя.

Но уже пришел азарт поиска и открытия, логика и здравый смысл заменились инстинктом охотника, который вот-вот схватит свою добычу. Правда, охотник знает, за кем он гонится, а они – нет, но, не сговариваясь, слепо следовали мимолётному Мишкиному решению, отдавая ему всю ярость своих детских душ и ни о чём не думая больше.

Дальше могло случиться всякое. Любой взрослый давно прекратил бы явно бесполезный труд, трезво рассудив, что пора как-то выбираться наверх. У них элементарно могло не хватить сил на раскопки, пацанам вообще не свойственно делать что-то по-взрослому долго. Масса песка сверху всё больше угрожала завалом, глаза тщетно искали подсказки и чего-то ждали, но только не того, что они увидели.

Мишкина рука неожиданно, при очередном зачерпывании деревянным миниэкскаватором, провалилась в пустоту, в которую струя песка резко посыпалась вниз, а в глаза ударил ослепительный белый свет.

Это потом, вспоминая, он рассудил, что не такой уж и ослепительный, просто они копали уже почти в полной темноте, снаружи начинало смеркаться, а в яме вообще стало черно. И не такой уж и белый, просто он ударил по глазам неожиданно, прорывая ту броню немого ожидания, которой они окружили себя, чтобы не прекратить работу, чтобы не сдаться.

Это была награда. Не добыча, ибо в руках по-прежнему не было ничего, кроме вонючего грунта, а именно приз за упрямство. Мишка не сразу понял, что случайно, с шансом один на миллион, он попал в дыру свода подземного коридора. Он никогда бы не нашел его, если бы стена была целой.

Хотя, возможно, что строители колодца, много лет назад, наткнувшись на кладку, сдвинули яму в сторону, но успели потревожить хрупкий подземный мир и проломить его скорлупу? Тогда это не случайность и понятно, почему часть кирпичей обрушилась вместе с конусом песка, почти закрывшим проём.

Главное, что этого «почти» им хватило. Как ящерицы в щель, гибкие тела мальчишек втиснулись в узкий лаз, выкопанный деревянной полусгнившей дощечкой и откатившись в сторону от завала, долго тяжело дышали, пока глаза и мозги судорожно пытались понять, куда же они попали и откуда взялся этот немигающий, ровный свет?

Они бы так и заснули от усталости, но коже стало нестерпимо холодно. В горячке работы землекопы и не заметили, что здесь на колодезной глубине, как в сказке «Морозко», не хватает только снега. А ведь когда они с утра решились, наконец, изучить подробнее этот загадочный в своём безобразии угол двора, там слепило яркое летнее солнце, такое жаркое, что тень крапивы приносила наслаждение, а слово «холод» радовало душу. Но здесь оно не «грело» в прямом смысле.

– Это грибы какие-то светятся.

Мишка всегда выдавал решения. Пашка мазнул пальцем по стенке подземного хода и палец послушно засветился слабым немерцающим светом.

– Точно....Надо идти.

– Куда?

– Ну уж не тут коковать! Может, рядом выход есть?

Они двинулись от кучи песка, на разведку в тихий полумрак кирпичной трубы, уползающей в неизвестность. Азарт открытия постепенно сменялся усталостью, ватным телом и осознанием того, что, выйдя из одной беды, они попали в другую, и ещё не ясно, какая из них хуже.

Сейчас искатели приключений уходили от единственной дыры, связывающей их с двором, с тёплым домом, где давно уже ругается мама, согревая остывший обед по третьему разу, где можно брякнуться на ковёр рядом со своими игрушками и ощутить себя в своём, привычном мире. От этих мыслей поневоле хотелось оглянуться туда, где значился кучей песка

их портал перехода в подземный мир, и они, не сговариваясь, повернулись, и оба подумали, а не стоит ли вернуться известным путём?

Но тут легко, очень массивно и плавно, колыхнулась земля под ногами, тихий, уверенный шелест, пронёсся по подземелью и сверху на кучу песка с их червячьим лазом выкатилась небольшая, но страшная в своей значимости желтая струя песчинок.

Колодец обвалился.

Пути назад больше не было.

Каждый из них, будь он один, развеялся бы от отчаяния, но вместе, в тандеме, была какая-то общая сила, не давшая им проявить свою слабость. Первым из оцепенения, как всегда выпал Пашка.

– Пошли! Тут теперь только экскаватором копать! Куда-нибудь придём.

Они брели долго. Настолько долго, что потеряли представление о времени, о расстоянии, ни о чем уже не думалось, тихо чавкая сандалями по сырому полу, ноги брели сами, как механизмы, не зная, куда и зачем. Просто до какого-нибудь конца.

Мимо неторопливо проползала бесконечная и монотонная кирпичная кладка, и постепенно даже слабый свет в подземелье начал меркнуть. Мишка лениво отметил в уме, что, видимо, грибы здесь росли хуже, значит они всё же куда-то перемещаются, но уже никаких эмоций эта мысль не вызвала и дальше даже этого развлечения для глаз не стало. Хорошо хоть, что пол оставался ровным, только иногда попадались кирпичи и песок, видимо, древний ход проваливался не в одном месте.

Мишка держался рукой за Пашкину футболку и вспоминал книги про скелеты грабителей, которые находили в древних гробницах фараонов в Египетских пирамидах и в подземельях старых замков, полных ужасными ловушками, но мысль его еле тлела, не принося ни страха, ни каких-то решений, потому что ясно было одно: только вперед!

И тут они провалились второй раз.

РОДНОЙ ДОМ

(Мишка)

Я попытался открыть глаза, очнувшись от странных звуков, которые никак не мог в уме обозначить. Откуда они? В своём полусне я воображал, что это работает телевизор на кухне и из его динамиков мне слышны голоса из передачи: кто-то кого звал, надрывая горло. Потом опять.

Это было привычно, так было всегда. Родители, каждый вечер, уложив меня спать, дружно усаживались к ящику на кухне, чтобы не мешать. Они ещё и дверь оставляли приоткрытой, потому что я не любил ощущения запертости. Потом в два голоса бубнили о своих взрослых делах и полночи смотрели похожие друг на друга, как матрешки, детективы, в которых шум погони и стрельбы усыпляли меня как колыбельная.

Глаза открываться не хотели. Зачем это делать, если надо спать? Но что-то мешало моему сну и постепенно я вспомнил о подzemелье, о блужданиях с Пашкой, вспомнил свою дикую усталость и полёт в никуда. Неужели всё это приснилось? Тогда почему болит нога?

Чуть приоткрыв зрачки, увидел то, что и должен был увидеть. Ничего. Темнота.

Ну, да. Всё правильно. Потому что мне всё привиделось и я спокойно сплю в своей постели. Только что-то не так... Постель необычно жесткая. Холодно. Где уличный фонарь, всегда бьющий в глаза даже через шторы? И эти крики. Зачем они так сильно врубили громкость?... А запахи?! Странные, мерзкие запахи, как будто что-то сгорело. Кусок мяса со шкуркой? Вонь какая!.. Такая дымная мерзость стояла, когда отец перетапливал куски свиного жира с шерстинками, на сало.. И свет... Почему он так дёргается?... Это свет не от лампы. Откуда же тогда?

– Метресса, вот они! Вот они! Я нашел! Метресса, сюда! Сюда!

Замелькали яркие пятна и я, наконец, увидел то, что так сильно воняло. Обычный факел. Нет, необычный! Не простая палка с намотанной паклей, а, словно, из какого-то средневековья. На толстом гладком, хотя и не очень ровном стержне, торчал стакан с дырками, в которых шкворчало, как на сковородке. Пламя мелькало в темноте и не давало возможности сосредоточиться и увидеть что-то важное. Очень важное.

А потом я увидел то, что так сильно кричало. И закрыл глаза. Потому что того, что увидел не могло быть. Только во сне... Но оно продолжало орать и уже слышались ещё чьи-то шаги, бегущие в мою сторону.

– Да вот же он! Да не туда, по сердцу идите, только осторожно, метресса, там ямы!.. Он дышит, госпожа, он живой! Смотрите, это я нашел его!

Пришлось опять открывать глаза, но ничего от этого не изменилось. Наваждение не пропало. Лицо орущего приблизилось ко мне и теперь я очень хорошо видел все его мелкие детали в отблесках света факела.

Это не было лицо человека! Даже в темноте это было очевидно. И не маска. Нет, конечно, в целом оно было очень похоже на человека, но таких не могло быть на Земле. Я много читал про разные народы и разные племена и видел разные картинки и фотографии и на них очень разных людей, с разным цветом кожи, прическами, татуировками, раскрасками, но таких на моей планете не было! Что же это? Неизвестная земля? Остров? Куда меня занесло?! Вокруг торчали камни, скалы, как на юге, на побережье, только вот моря не было.

Что же это за племя? Что-то среднее между обезьяной и кошкой. Лицо, покрытое ровной серой шерстью, не было неприятным, наоборот, сияло симпатичностью, но было слишком непривычным и неожиданным для зрения. Мало того, лицо оказалось хорошо знакомым и оно не было тупой мордой животного, умные глаза странной формы смотрели на меня с радостью и вниманием, на голове виднелась шапочка, часть тела, которую я видел, закрывала одежда.

Что-то большое метнулось ко мне вслед за топотом шагов и такое же странное животное припало к моему лицу и заверещало так радостно, что я сразу понял, что мне здесь очень рады и от этого стало спокойно и хорошо.

– Сын мой, Мроган, как ты нас напугал, какой злой дух заманил тебя в эти скалы? Как мы волновались, ах, сын мой! Слава Сияющему, ты жив! Ранен? Ты ранен? Болит? Что болит?

Во время этих причитаний существо крутило, облизывало, тёрлось об меня своей шерстяной мордочкой и стало ужасно хорошо, потому что каким-то непонятным мне знанием я догадался, что это – моя мать. Самым обидным образом я расплакался взахлеб, устав от ужасов перенесенного дня, а она бормотала что-то ласковое, как делают все матери на свете.

– Так!.. Что за сопли?.. Тебя куда занесло, дубина? Говорил же, не лазить на север!.. Два вартака, весь клан переполошили!

Этот голос был грубым, но таившим в себе такую же радость встречи и я, скуля от счастья, узнал отца, хотя пока и не видел его. Сильные руки ощупали моё тело, заставив его дернуться от боли в правой голени, и с тёплым ворчанием постановили:

– Кости целы. Ран нет. Чего вы тут воете? Развели вертецов!

Он что-то ещё говорил, но последнее слово меня насторожило. Я знал его. Я даже знал его значение – вертецы – маленькие червячки, живущие в пещерах, совсем слепые и прозрачные как вода. Но я не мог его знать, у нас, на Земле нет никаких вертецов!

Не сразу в сознании из мути голосов всплыла и проявилась простая, по сути, мысль: – это был чужой язык. Здесь всё было чужое, и планета, и народ, который её населял, и, конечно же, диалект, на котором он общался, а я, каким-то странным образом, раздваивался и был совершенно своим в этом мире, и в то же время, оставался ещё и на Земле, потому что все слова в голове переворачивались и звучали по-русски.

Вторая мысль пришла позже и не сразу, когда я, точнее, мой мозг в автоматическом режиме, пытался переводить, всё сказанное и многих слов из моего земного словаря не оказалось в местном, они никак не проявлялись, отдаваясь в сознании болезненной пустотой, хотя смысл всех слов на местном диалекте был мне хорошо понятен. Простой вопрос «сколько сейчас времени?» так и остался сидеть во рту, потому что слова «время» язык не знал.

Меня решили нести на носилках. Совершенно напрасно, решил я, мне уже намного лучше, я абсолютно здоров, после чего попытался встать. Мне хотелось не только идти самому, мне хотелось узнать, куда подевался Пашка, посмотреть на то место, куда нас занесло (а может быть, только меня). Но от первого же усилия резкая боль проскочила молнией через ногу по позвоночнику и снова наступила темнота.

Разбудили запахи еды. Сколько провалялся, не знаю, тем более, что лежал в полумраке, на пушистых шкурах, покрывавших достаточно просторный лежак. Свет шел только от факела и его вонючий дым опять резанул моё обоняние, но при этом не заглушил вкусного запаха.

Не решаясь никого позвать, я сделал, наконец, то, что хотел сделать ещё там, в скалах, я стал рассматривать свои руки и своё тело и опять удивился своей странной раздвоенности.

Это было моё тело, знакомое мне с детства, руки, ноги, всё достаточно изящное и покрытое густой, но невысокой шерстью, нашел шрам на ноге и даже вспомнил, что получил его ещё в детстве, после неудачного прыжка через камень, который пропорол мне мясо до самых сухожилий. И в то же время оно было телом чужого существа. На Земле я ничего не пропарывал и шрамов не имел.

– ё-Пэ-Рэ-Сэ-Тэ!

Это наше общее с папой ругательство было первым, что я произнёс на этой планете. Но прозвучало оно совсем не так, как я привык его от себя слышать. Язык чужеземца ещё не очень-то мне подчинялся, звуки вышли или сильно рычащими, или весьма фыркающими, что мне очень не понравилось.

– йоу-пфэ-ррэ-ффэ-тфэ!

Пришлось прогнать весь русский алфавит и потренироваться своей собственной речи. Не знаю, зачем мне это понадобилось именно сейчас, но неожиданно остро захотелось понять, сколько во мне осталось человеческого, а сколько – он незнакомого мира.

Представляю, как я выглядел сто стороны – лежит мохнатый чувак в постели, ощупывает свои конечности и мычит! Одновременно я разглядывал свою одежду, которая вся была скроена из тонкой шкуры каких-то мелких животных, это было видно по большому количеству достаточно грубых швов, сидела она мешковато, но мне очень понравилась своей уютностью и тем, что совершенно не мешала двигаться. А что ещё надо мальчишке? Рубашка, безрукавка с капюшоном и простые штаны, заплатанные во многих местах. Под лежаком виднелись грубые башмаки с подошвой сделанной из копыта какого-то, явно жвачного, животного, к ней пришит кожаный чулок с ремешками для крепления к ноге.

Вспомнив кошачьи глаза получеловека, нашедшего меня, я с испугом ощупал свой зад, боясь найти там хвост, а потом и всё тело, и не нашел ни хвоста, ни рогов, зато с болью определил то место, из-за которого ночью потерял сознание – сустав ноги справа отозвался на прикосновение острой внутренней болью, начавшей пульсировать. Снаружи раны не было, значит – подвывих или растяжение. Плюс ушиб.

Моя мама (на Земле) – медик, а с папой мы столько раз в походах ранили себе тело то ударом о твёрдое, то острым сучком, то неосторожным движением ножа, что болячки не сходили с моего тела и я хорошо умел отличать их и не бояться крови. Ничего серьёзного!

Из темноты пещеры вдруг появился силуэт человека, нет, не человека, моего соплеменника, похожий одеждой на меня самого. Никакой, угрозы от фигуры не исходило, она приближалась с дружественным видом и вблизи, в свете факела стало видно, что он улыбается.

Неожиданно незнакомец одним длинным прыжком проскочил оставшиеся до меня пару метров, приземлился на моё ложе и схватил меня за шею своими лапами. Мой мозг ещё только надумал испугаться, а соплеменник уже произнёс мне прямо в ухо:

– Пфрриффетф Миауфкфа!

И стал меня тискать и мутузить, прыгая от радости, а я не сразу понял, что сказанная фраза означает всего лишь «привет, Мишка» и что произнести её мог только один нечеловек в этом мире.

Пашка! Живой и здоровый, и такая бешеная радость пронзила меня, что я стал также как он бешено скакать и кричать, совершенно не думая о том, что выделывают мои конечности и забыв, как они болят.

КЛАН

(рассказчик)

Потихоньку, перебесившись от переполнявших мозг эмоций, мальчишки начали разглядывать новые внешности, обмениваться тем, что узнали и, как всегда, оказалось, что Пашка, который здесь носил имя Кайтар, увидел гораздо больше. Он не получил никаких серьёзных болячек, кроме синяков и царапин, и в пещеру с трудом, но дошел своими ногами, хотя, ничего по пути не рассмотрел в темноте. Зато с утра, со всей своей неугомонностью, успел излазить её вдоль и поперёк, тем более, что это место было хорошо знакомо тому существу, в которое он попал.

Они разговаривали на местном диалекте, потому что произношение русских слов создавало скорее трудности в общении, чем улучшение понимания, тем более, что и говорить-то надо было не о земном, а о тех предметах, которые были вокруг, а значит, присутствовали и в местном словаре. Каждая новая фраза как будто отмывала на грифельной доске Мишкиной памяти старые записи, залепленные непрозрачным налётом.

Мишка узнал, точнее, «вспомнил», что они попали в небольшой клан воинов иритов, которые приходили в это место на сезонные работы – каждый Круг (год) для сбора старинных предметов в развалинах древнего поселения. Матери не раз рассказывали на ночь страшную полусказочную легенду, которую они оба с детства знали, но «вспомнили» заново.

Когда-то здесь, в горах, стоял большой укрепленный замок, в котором правил Мэтр Черный Паук, сумевший в этой безжизненной и непроходимой части Великой Северной Земли наладить большое строительство с помощью множества рабов, которых приводили ему сильные воины.

Замок, который так и назывался, «Паучий», был очень богат, сюда свозилось после набегов столько дорогих вещей и оружия, что его не успевали прятать, оно валялось даже в проходах и жилых комнатах.

Замок был неприступен, в этих диких скалах невозможно выстроить войско для нападения, а перебить воинов, нападавших поодиночке, с высоких стен было несложно. Одна только узкая тропа соединяла замок с миром и охранять её могла даже горстка бойцов. Бежать отсюда было также невозможно.

А ещё Мэтр Черный Паук использовал волшебство и жили у него в Черной Башне колдуны, такие же черные, как и он сам. Они, конечно, не подчинялись Мэтру, скорее, он сам им служил, предоставляя защиту и полную свободу действий, любые приказы колдунов немедленно исполнялись, и их сила была очень велика. За это Черные чародеи помогали Пауку в битвах.

Всё было крепко в замке, всё налажено для жизни, но стояла здесь глубокая печаль и отчаянье, не было в нём ни тепла, ни радости, всякий, попавший в каменный мешок его брюха, чувствовал себя приговорённым к казни, только отложенной на некоторый срок.

Не только рабы, но и охрана, и приближенные Черного Паука жили в постоянном страхе и унынии, потому и не заводили себе ни семей, ни даже наложниц. А музыканты и танцоры,

которых приводили силой, не могли выдавить из своих инструментов ни капли радости даже под страхом смерти, а между тем чёрная слава об ужасном месте расползалась по всей Великой стране.

Иногда рабы сами бросались вниз, на острые камни от тоски и отчаянья, поэтому вокруг высоких стен страшного замка постоянно кружили стаи голодных черных птиц, добавлявших и без того ужасному месту ещё больше мерзости.

Так и правил Мэтр Черный Паук.

Конечно же, он не был бессмертным, каждого правителя сменял его сын, бравший имя своего отца и так длилось много столетий. Ни одна девушка не пошла бы замуж за страшного правителя ни за какие богатства. Её брали силой и, родив в неволе сына, каждая умирала от тоски. А Замок становился всё выше и мощнее.

Но однажды Боги Скал разгневались на Чёрного деспота и злились так сильно, что затряслись горы и рухнули все древние постройки, а изнутри выполз огромный огненный Змей, проглотивший всё живое, потом с неба хлынула вода и затопила то, что рухнуло, не оставив никаких следов. Осталось на месте Замка только небольшое озеро и по берегам его Боги поселили птиц, у которых вместо перьев торчали острые стрелы для того, чтобы они не пускали сюда жадных и любопытных пришельцев.

Вот таким было это миленькое место. Мало, кто из смельчаков других кланов решался проникнуть на территорию, с такой репутацией, тем более, что-то искать здесь, но глава нашего клана, Карг Обгорелый, сам обнаружив богатства, каждый Круг приводил сюда свой народ и это помогало иритам выжить за счет дорогих находок, ценность которых была иногда очень высока. И найдя маленькую древнюю безделушку, можно было бы жить безбедно целый круг.

Но в клане все ценности сдавались вождю, которого народ любил, верил и подчинялся беспрекословно. Законы, установленные в клане, отшлифовывались столетиями, вбивались в голову с самого детства и были поэтому просты и понятны.

Пашке, который не очень-то любил учебу и зубрёжку, не пришлось особенно напрягать свои мозги, чтобы вспомнить их:

Закон Первый- каждый готов умереть за свой клан.

Закон Второй- всё твоё имущество принадлежит клану.

Закон Третий – каждый мужчина должен быть воином, а женщина – хозяйка у очага – должна давать приют каждому воину и каждому ребёнку клана.

И всё! Никакого тебе толстеного уголовного кодекса, судей, адвокатов! Нарушившие Закон изгонялись из Клана на общем сборище, а предатели, если были пойманы, чаще всего сами лишали себя жизни, если не были последними трусами.

Все эти ужасы Пашка рассказывал взахлёб, как будто, найдя для себя в этой жизни самое главное, было очевидно, что ему всё это средневековье очень понравилось. А Мишка слушал с некоторой тоской, особенно о необходимости стать воином. Никогда в нём не было желания избить и победить кого-то и то тело, в котором он сейчас находился тоже ему поддакивало и Мишка понял, что он не просто так попал в постороннее тело, его двойник здесь по характеру

был таким же как он сам! Эта мысль его очень поразила. И Пашка, похоже, тоже нашел сам себя.

Потом они бродили по опустевшим пещерам и Мишка легко «вспоминал» всё, что видел и слышал, как будто с хорошо известной ему картины стряхивали муку, под которой проявлялось знакомое изображение.

Все взрослые, кто мог, ушли «работать» – на поиски, оставались только несколько женщин, возившиеся, как и все мамы на кухне, и ласково кивали, приглашая поесть, да мальчишки разного калибра, причем даже самые маленькие что-то делали по хозяйству, помогая матерям.

Мишка не очень удивлялся этой приветливости. Всё так и должно было быть, он же просто попал в свой родной клан. Ну, ходил, заблудился, упал, поранился, а теперь он – дома. Старая, земная память стояла где-то сзади и не мешала его воспоминаниям о новом мире.

В некоторые моменты он вдруг задумывался о своём земном доме, о родителях, жалел их за то, что те сейчас волнуются, поднимают на ноги милицию и знакомых. Наверно их с Пашкой будут искать с собаками, расклеят по всему городу объявления с фотографиями, будут долго расспрашивать знакомых и одноклассников, найдут следы в старом дворе но никому и в голову не придёт то, что с ними приключилось на самом деле. Будут, конечно, рыдать. А потом их забудут. Забудут?! Да нет, как это? Разве он сам может потерять память о своих близких?

Обойдя пещеру, мальчики вышли на общую кухню и неплохо перекусили. Тёплые мясные комочки, напоминающие земные котлеты, с гороховыми лепёшками, невероятно вкусные после вчерашнего голодного дня. Потом им стало стыдно за своё безделье, и они приносили воду из ручья, раздували огонь в очаге специальными мехами, полоскали стиравшиеся шкуры, носили тяжелые корзины и бегали, играя, с малышами, которые веселились и вели себя также, как обычные земные дети.

И тут Мишка сделал то, о чём потом долго раздумывал. Он, конечно, знал, точнее, «вспомнил» местные игры, но все они показались скучными, а земное просачивалось из его мозга и он решил устроить игру в мяч, которого просто не нашел в пещере. Были всякие куклы, костяные маленькие мечи, маски, а вот мяча – не было. Да и слова такого у иритов не нашлось.

Выпросив у одной из женщин куски ненужной шкуры, они с Пашкой набили ее какими-то огрызками и обрывками, закрепили жилистой ниткой, тоже выпрошенной напрокат, а дырки Мишка прожег раскалённым камушком. Часто видел как это дома делал отец – протыкал кожу простым гвоздиком, вставленным в палочку, разогретым докрасна над газовой плитой, но так как гвоздя под рукой не нашлось, пришлось применить камушки. Получился почти круглый, наполовину набитый мешок, подобие мяча.

Пашка мгновенно понял всё и помогал, как мог, кроил, зашивал, протыкал, а потом они вдвоем начали футболить тяжелыми копытами, хотя местные ноги не очень-то их слушались. В это радостное веселье включились мелкие пацанята, на общую радость подходили смотреть мамы, получился замечательный шум и гам, такой, что все они даже не заметили, как пролетел остаток дня и вернулись взрослые.

Вернулись они тихо, уставшие, с тяжелыми наполненными корзинами, и на детские причудливые, непривычные прыжки в погоне за кожаным мешком посмотрели сурово и молча,

как будто встретили нечто чрезвычайное и невероятное. Пауза начала разряжаться тем, что дети, видя родителей, бросались к ним и постепенно игра закончилась.

Точка была поставлена, когда мяч, метнувшись в последний раз, попал в руки вождя, который с удивлением и осторожностью взял непонятную вещь и достаточно долго осматривал незнакомую конструкцию.

Мишка только теперь увидел своих «родителей», таких же запыленных, вымотанных, с корзинами на плечах, стоящих в толпе взрослых как-то отчуждённо и не спешивших обнимать своё чадо. «Что-то не так?» – подумал он- «может, они увидели, что мы – не такие, как были раньше?»

– Кто это сделал?

Вопрос вождя был так неожиданно холоден, что мальчики оба сразу почувствовали себя как на уроке, которого они не выучили и которого не было в расписании. Вождь передал «мяч» суровому худому старику, и Мишка знал, кто это. Шаман, ведун, знахарь, пастырь, священник, всё в одном теле. Он был не правой рукой вождя, скорее, частью его, может быть, даже головой. Его мнение было порою суровее, чем мнение самого вождя и всё Мишкино существо боялось его как колдунов из легенды о старом замке. Но надо было отвечать.

– Это я, мэтр. Я хотел развлечь малышей.

Мишкино тело перед ответом само подогнуло одно его колено и склонило голову. Никогда дома он не встал бы вот так, даже перед директором школы, здесь же всё произошло само, автоматически. Несколько тягучих минут прошло, пока колдун рассматривал непривычный для себя предмет, иногда пристально поглядывая на Мишку, и молча вернул Вождю.

– Покажи. Что вы с этим делали?

Это был приказ, не выполнить который было нельзя. Мишка поднялся с колена, взял мяч и они с Пашкой стали неловко перекатывать его с опаской, не понимая, чего от них хотят. Так прошло еще несколько минут в полном молчании.

– И зачем это нужно?

Вождь не понял. Мишка решил, что лучше – отвечать то, что есть, а там – будь, что будет.

– Это улучшает ловкость и быстроту движения, мэтр.
(опять пауза)

– Покажи. Что надо сделать?

– Надо закатить это, только с помощью ног, не прикасаясь руками между вот этих камней, мэтр.

Мишка показал два камня, поставленные как ворота.

– А что будете делать вы?

– Мы будем мешать и закатывать это вон туда, между тех камней. Только возьмите себе ещё воина, мэтр.

И тут Большой Вождь, кивнув одному из воинов, скинул с себя тяжелый плащ, в котором стоял до сих пор и вошел на площадку.

Места в пещере было маловато, но землянам надо было спасти свои шкуры, это они уже интуитивно поняли.

И постарались на совесть. Конечно, глухое пространство в теле горы – не футбольное поле, мешок – не настоящий мяч, а на ногах не кроссовки, а грубая обувь с жесткой подошвой, но сидели в головах главные приемы обмана и передач, которых вождь, конечно же, не знал.

Он был силен и ловок, а мальчишки – юркие как ящерицы, сыгранные на пустыре старого двора и знавшие, что надо делать на уровне подсознания, разносили его вместе с сильным молодым воином в пух и прах на глазах своего же народа. Те, кто со своими малышами уже ушел отдыхать в свои кельи, вернулись, услышав подозрительный шум и теперь весь объём пещеры заполнял густой азартный гул, вскрики одобрения и поддержки.

Ириты оказались наивными и падкими на азарт как дети. Хорошо поняв, что мяч нельзя трогать руками, толпа радостно кричала, когда мужчины это непроизвольно делали, громкие крики заменили свисток судьи. Взрослые, лишённые в походе хоть каких-то развлечений, хохотали до визга. Каждый гол сопровождался криком, которому позавидовал бы даже столичный стадион.

Бой был недолгим. Достаточным для того, чтобы вождь сначала понял суть игры и её правила, затем, чтобы он решил проучить наглых юнцов, потом, чтобы он взбесился, проигрывая, как и любой мужчина, которого бьёт слабейший, и, наконец, приходя в себя, как мудрец, который умеет делать правильные выводы даже из поражения.

Вождь вдруг остановился и поднял руку. Все замерли, прекратился шум. Он оглянулся на колдуна, как бы советуясь с ним, и, не получив никакого ответа, вдруг захохотал:

– Это же очень хорошо!

Вот уж тут на площадку бросились родители, переживавшие не меньше сыновей, но осознающие глубину опасности, которая нависала над дерзкими юнцами гораздо отчетливее и конкретнее, чем они сами. Конечно, вождь был демократичен и добр, но самолюбие – это такая тонкая струна, которую никому не следует трогать без особых на то причин.

ДУМАЮЩИЙ

(Мроган)

Мне влетело по полной. Сначала, после облизывания, на меня накинута моя новая мать, которая, как и все женщины склонны к излишней эмоциональной нервнойности. Она припомнила, что только с моим сумасбродным характером можно было пропасть в горах и вынудить весь клан обшаривать скалы вместо отдыха на тёплых шкурах, а уже на следующий день заставить нервничать самого вождя, и ещё неизвестно, чем всё это кончится.

Потом занудил отец. Как и все папаши, сдерживая желание отлупить сына как следует, он, что ещё хуже, монотонно наставлял меня на путь истинный: мы – воины старинного рода, воин должен делать то, что ему предписано, не думая и не рассуждая о том, почему мир устроен так, а не иначе. Я, сын мэтра, должен понимать, что стабильность мира зиждется на его устойчивости. Своим поступком неразумный сын нарушил какие-то древние устои и перебудоражил весь клан, если теперь над нами начнут смеяться, то вовек не отмыться от позора, и тому подобное.

Потом он поставил меня в позицию и заставил часа два отрабатывать движения двух рук воина, курс молодого бойца. Главным оружием иритов считается кинжал с двумя лезвиями, загнутыми как когти, одним, от руки, более длинным, в три ладони другим в одну ладонь, и у воина этих кинжалов два, по одному в каждой руке. Для обучения разработан далеко не изящный танец, который надо исполнять безошибочно, иначе можно не только схлопотать хворостиной, но и порезать себе руки. Это воинский танец, его с пелёнок разучивает каждый мальчик и с ним уходит в мир духов старик, если случайно останется жив в этом буйном мире.

Конечно, никакой стали, в руках моих торчали два кожаных имитатора и поначалу я, вспомнив фильмы про японскую и китайскую мафию, почувствовал даже некоторый романтизм новой жизни. Но потом ужасно надоело. Одно и то же по сто раз, тоска! С движениями я упарился не меньше, чем пиная мяч, и начал понимать, что после таких упражнений уже не захочется никаких других игр. Наверно поэтому так отнеслись к моим скачкам с мячом взрослые.

Моё новое тело, спасибо ему, видимо, раньше принадлежало очень старательному ученику, поэтому особенных ошибок я не делал, но мысли бегали в стороне и не раз я получил по ногам тонким хлыстом, которым вооружился отец. Потом, не выдержав, он воодушевился и сам пристроился рядом со мной и начал делать точно такие же выкрутасы телом, задавая темп голосом. Оказывается, к танцу есть ещё и своеобразная ритмичная речёвка без слов.

В конце концов, как ни странно, мне это представление очень понравилось, особенно, когда я ловил улыбку матери, которая давно перестала сердиться, с любовью смотрела на своих мужчин и смеялась так заразительно, что всё моё существо хотело отчудить что-нибудь экстра эдакое, чтобы порадовать её ещё больше.

Потом нас позвали на еду, а после еды мы сели... плести корзины. Я, преодолев первый приступ удивления, наконец, понял, зачем в углу пещеры валяется столько прутьев, гладких и длинных, а затем и руки мои вспомнили, как надо выплетать доньшко и прочие части, а отец в это время поучительно объяснял, как совершенно тупому ученику, что в наших краях не растут большие растения с толстыми стеблями. В некоторых странах растут, но он их никогда

не видел, а вот такие прутья растут везде, в каждом болоте и на любом пустыре, и даже самый захудалый воин просто обязан уметь сплести себе подстилку для сна и корзину для переноски и легкий шлем на голову, или, хотя бы, топливо для печки.

Он долго ещё говорил, монотонно и без эмоций, я чуть не заснул под этот спокойный голос, зато успел наvertеть несколько десятков круглых блинов, которыми здесь топят очаг и кое-что понял о жизни в суровой горной стране, где настоящий суровый воин сидел и плел корзины вместо того, чтобы сладко захрапеть после ужина, а ещё и воспитывал своего наследника, и это после трудного рабочего дня.

– Что вы нашли сегодня?

Я сам удивился своему вопросу, хотя он вертелся на языке очень давно, но после стольких конфузов я уже и не знал, чего можно, спрашивать, а чего – нельзя. Но отца, наоборот, мой интерес удивил и обрадовал, бросив своё плетение, он вывалил на пол одну из корзин и начал раскладывать грязные, пыльные находки. Глаза его засветились настоящим интересом, похоже, что в суматохе вечера он успел забыть о том, чем занимался весь день.

Помятое блюдо из материала, напоминающего алюминий, куски тряпок, похожих на толстый шелк, чуть подгнивших и противно воняющих, какие-то кольца, размером с мою руку, в основном это валялись грязные обломки и осколки древнего быта, никакого богатства не ощущалось и я поначалу был очень разочарован, пока отец не извлёк фигурку ирита размером с детскую ладонь. Это был коренастый мужчина, не воин, скорее, старик, сидевший в позе, которую на Земле называли бы восточной, сложив руки вместе.

Его одежда казалась излишне тяжелой, и вспомнив колдуна, которого сегодня видел, я подумал, что знаю, кто это такой. И не мог оторвать глаз от живого задумчивого взгляда маленькой фигурки. Никогда раньше никакие скульптуры меня не интересовали, в этом было что-то необъяснимое, казалось, что кукла может вдруг ожить и сделать что-то настолько мощное, что вся наша пещера разлетится в пыль.

– Какая красивая! А можно – это мне?

По взгляду и отца и матери я понял, что брякнул нечто совсем чудовищное, только не знал, что именно, то ли нельзя брать находки, то ли я захотел спереть их святыню, то ли ещё что-то, но отгадка лежала совсем в другой плоскости.

– Ты что, девчонка?

Голос отца был ещё более тяжел, чем тогда, когда он распекал меня за мяч.

– Нет. Я не девчонка. Прости меня, отец, я просто вижу то, чего ты не видишь!

Казалось, теперь он меня точно убьёт. Но как-то надо было выпутываться и мой язык просто честно произнёс то, что я сам думал. К моему удивлению, отец, наоборот, успокоился, посуровел ещё больше и надолго задумался, только руки его бессмысленно перебирали предметы на полу, а за его лицом с тревогой смотрела мать, которая тоже пыталась понять что-то очень важное.

– Я так и думал. Надо раньше было! Раньше догадаться! Он – думающий! Если я прав, то наш сын – думающий!

Эти слова он обратил к матери и она, сменив выражение тревоги на очень серьезный и немного испуганный взгляд, посмотрела мне прямо в глаза надолго и пристально. Я не отводил глаз и видел, как напряжение сменилось любовью, она присела ко мне и обняла, и мне показалось, что она плачет, если бы я знал, как здесь плачут эти мохнатые существа, так похожие на людей.

– Прости, отец, но разве плохо, что я – думаю?

Он ответил не сразу, как будто что-то вспоминал.

– Думающие – это не те, кто просто думает. Все думают. Все могут быть воинами. Но воин мудрецом – никогда! А вот думающие обычно становятся мудрецами. Или колдунами. Это бывает редко. Очень редко. Они живут отдельно от родителей. И никогда не имеют детей. У нас в клане таких раньше не было. Но ты сегодня несколько раз показал, что – не воин. И раньше тоже что-то такое было, но мне и в голову не приходило. Я тебя не понял. Я просто никогда не видел детей – думающих. Но, может быть, я не прав. Увидим, сынок.

До меня постепенно дошел их страх. Значит, я не такой, как все. Терять детей, даже вот так, отдавая их от себя по какой-то прихоти общества, в которое я попал, конечно же было тяжело и мои слова вырвались сами:

– Я не хочу отдельно от вас. Мама, отец, я хочу быть с вами. Я постараюсь стать воином. Только ты научи меня.

Последние слова я сказал отцу и он обнял нас своими лапами вместе с мамой и в этом пушистом клубке было так тепло и уютно, что во мне сама собой родилась клятва защищать чужих мне нелюдей, иритов, как своих, а может быть, даже ещё сильнее.

Потом, позже я ещё узнал, что у этих мужественных народов детей бывает мало, их трудно вырастить и трудно прокормить, поэтому потеря каждого – это большая трагедия. Даже если они не уходят из жизни.

Потом, перед сном мы долго рассматривали находки и отец объяснял мне, что и сколько стоит на рынке и какой предмет для чего может использоваться. Я вспоминал, что и раньше всё это слышал, но не придавал никакого значения стоимости подгнившего шелка.

Фигурка досталась мне, отец сходил к казначею и выпросил её как будто бы для моей сестрѐнки, ведь полагалось всё сдавать в общий котёл. Но скульптура колдуна не имела особой ценности – детская кукла и всё, поэтому её легко отдали.

Самым дорогим считалось оружие, доспехи, прозрачные блестящие камни и металлы в любом виде, потому что металл был здесь очень редким материалом, в основном, все предметы делались из камня, кости, глины и шкур самых разнообразных животных.

Под эту информацию я и заснул легко и беззаботно на каменной постели, на подстилке из гибких веток, накрытых пушистыми шкурами.

И, конечно же, как и все нормальные дети, не видел, что отец долго еще что-то ремонтировал, проверял и чистил оружие, а мать зашивала мою одежду, порванную за последние дни и тихо плакала, заново переживая новость, которую узнала. А ещё она несколько раз подходила к моему ложу и тихо гладила меня, шепча что-то ласковое.

Отец ходил проверять посты караульных, расставленные на ночь, напряженно думая о том, говорить или нет обо мне вождю, и решил пока промолчать, во всяком случае, до Посвящения.

СБОР АРТЕФАКТОВ

(рассказчик)

Утром не было никакого утра. Была почти полная темнота, скупой мелькающий свет факелов, сонные капризные возгласы невыспавшихся детей, команды, отдаваемые воинам, звон посуды на кухне и запах еды. А ещё был утренний сквозняк, который освежал не хуже ледяного душа.

Отряд, поев, отправлялся на работу. Собиралось оружие, инструменты, корзины, запас еды, воды, факелов, ничто не было забыто. Все знали свои звенья, разведчики уже ушли вперед и проверяли в рассветном сумраке отсутствие чужих следов, отдельно ушел отряд охотников, ведь кроме работы здесь надо было еще и есть.

Мальчишки сначала попали в разные группы, но Мишка попросил и Пашку взяли к ним, это было легко, потому что отец, как оказалось был мэтром – маленьким вождём, в его ведении было больше ста взрослых иритов.

Мэтр Крориган выстроил отряд перед входом и монотонно, видимо уже не в первый раз, напомнил правила: не расходиться, не отвлекаться, факелы зря не жечь, по одному на поиски не ходить, а только кучками по трое – пятеро. Он распёк кого-то из молодых, уже бывших замеченными в опасных вольностях, при этом досталось и Мишке с Пашкой за их пропажу позавчера.

Отряд тронулся и шел медленно и без суеты, так, чтобы идущие сзади видели ноги передних, под ногами была не гладкая тропинка в поле, а иззубренная камнями поверхность горного склона, ориентиром впереди светилась точка единственного факела, а потом и она пропала, когда утренний свет рассеял темноту.

Мишка постепенно «узнавал» приметы местности. Конечно же, его тело не раз проходило этим путём и он видел два знакомых треугольных пика, в пространство между которыми постепенно втягивалась их цепочка, отмечал в уме знакомые трещины на скатившихся с высоты громадных валунах, заросших мелкими колючими растениями, журчащие ручьи, в которых лежали заботливо укрепленные камни для перехода, зря мочить ноги никому не хотелось.

Иногда тропа угадывалась на полянках сухой жесткой травы, покрытой инеем. «Значит, ночью было минус два – три градуса» – автоматически подумал он по-русски и мысли его перескочили на странность и фантастичность их приключения, поразмышлял о том, знают ли эти люди смысл слова «минус».

Ещё он подумал о том, что они с отцом хотели этим летом ехать в горы, на Кавказ, и тот показывал ему яркие цветные фотографии с белоснежными пиками, водопадами и густосиним небом. А ещё заставлял Мишку учиться ходить с палкой – альпенштоком по крутым откосам оврага, заросшим крапивой и тому, как надо себя вести в горах.

И вот он «тут», и вот они, горы! А отец – где-то «там», в такой неопределенности, что некуда было даже рукой показать, еще неизвестно, была ли это их галактика, скорее всего – нет. От этих мыслей Мишка загрустил и хотел поговорить с землянином, который бодро топал впереди с двумя корзинами, висящими на плече на связывающей их веревке. Но все вокруг молчали, и Мишке не хотелось опять попасть впросак, делая что-то «не так».

Как он с утра узнал, Пашке вчера достались не только нотации. Подобно и его земной копии, отец, воин Сорвиг, грубый, простой, мужик, без всяких премудростей выдрал сына за тот публичный позор, которым он его наградил. Пашка испытание выдержал мужественно, ехидно порадовался тому, что здесь, в походе, испокон веков установлен жесточайший сухой закон, и зла на отца не таил, любя его по-своему.

Постепенно змейка иритов выползла на невысокий перевал, где сквозил пронизывающий холодный ветер, и спустилась в большую яму почти круглой формы, усыпанную крупными острыми камнями, обломками сторожевых башен, сломанных колонн, остатками строительных конструкций. «Опять я по-человечьи думаю» – произнес Мишке его внутренний голос – «А такая яма называется цирк, папик мой так хотел, чтобы я увидел цирк и много раз говорил, что в центре цирка бывают озера».

Озеро оказалось и здесь. Маленькое, размером с городской фонтан, в котором они часто купались летом, оно было достаточно глубоким, абсолютно прозрачным и на вид – совсем ледяным, наверно, оттого, что с одного края в него врезалась большая белая глыба снега или льда.

«Как трактор» – подумал Мишка про глыбу. Ему вдруг захотелось очнуться и избавиться от наваждения, в которое он, казалось, попал во сне. Мишка потряс головой и чуть не врезался в Пашкину спину.

Колонна остановилась. Они пришли и здесь, у озерка оставляли ненужные вещи.

– Берите по одной корзине и инструменты. Напейтесь и сходите вон к тому камню, чтобы не гадить в пещерах. В оставшиеся корзины положите по камню, а то ветер их укатит.

Голос отца звучал монотонно, он говорил то, что все и так знали, но Мишку вдруг пронзило тёплое чувство уважения к этому немолодому уже ириту за его простую житейскую мудрость и заботу обо всех сразу.

Работа была несложная – надо было переворачивать камни и искать то, что не относилось к камням. Опытные взрослые полезли в пещеры, а женщины и дети остались сверху. Как шустрый Пашка ни рвался вглубь горы, пришлось ковыряться вместе со всеми. Зато они вдвоём, наконец-то наболтались вволю, обсуждая странности своего превращения и пользуясь тем, что их никто не слышит. И, конечно же, обсудили легенду с примерами на местности, после чего Мэтр Черный Паук стал чуть понятней и реальней, потому что в обломках скал кое-где угадывались колонны дворца или крепости, творения рабочих рук.

Откидывая камни, мальчишки неожиданно для себя откопали неплохую дыру, в которой, тесно спрессованные, лежали обломки столика из полированного камня, разбитые фигурки, напоминающие шахматные, куски тряпок, вызвавшие восторг женщин.

Если бы Мишка мог сам себе поверить, то он бы признал, что к яме его привело необычное ощущение в животе, его внутренности как будто бы сами потащили тело в сторону и там обнаружили находки. Но был он несуетерен, поэтому не стал придавать особого значения такой мелочи.

Вскоре к ним, на успех, стянулось уже десяток соплеменников, менее удачливых в работе, болтать вдвоём стало трудно в общем шуме. Из ямы с азартом вытаскивали новые и новые находки. Но все они были дешёвкой, Мишка уже знал это и всё больше скучнее, старался увидеть в непонятных предметах их суть и назначение. Это было более интересно.

Он брал каждый осколок в руки, вертел, пытался соединить обломки в целое, если ему казалось, что линия излома совпадает. Так он «нашел» красивый костяной нож, соединив ручку и лезвие, «починил» столик, соединив несколько деталей каменной плиты и найдя к ним обломки ножек.

Эти его попытки отметили взрослые, на их глазах бесформенные куски оживали и вскоре, Мишка перестал копать, а только тем и занимался, что складывал и перекладывал, группируя одинаковые детали по внешним признакам. А ему с волнением, как к знающему специалисту, сыну мэтра, подносили и подносили всякую всячину.

Поэтому то, что он увидел боковым зрением, произошло случайно. Маленький листок размером с ладонь, планирующий как самолёт, повертелся в воздухе, покружился и спрятался между камней. Ненужное здесь сразу выбрасывалось. Мишка оторвался от своей кучи, подошел к листку, поднял, и сердце его гулко застучало от находки.

Неровный, грязный, рваный, кусочек тонкой кожи был испещрен знаками, в которых нельзя было не узнать буквы.

– Что это?

Этот вопрос Мишка задал всем, кто был рядом. Взрослые серьёзно брали листок в руку и прикладывали к себе, пытаясь определить, какую часть одежды он мог бы представлять и какую часть тела мог бы прикрывать. Некоторые произнесли «колдовство».

Мишка порылся в своей памяти и слова «книга» на местном языке не нашел. Поэтому Пашке он сказал по-русски, ломая свой речевой орган: – «Кфнигфау». Но Пашка понял. Он поискал в том месте, откуда вылетел листок, но больше ничего там не было, возможно, это было просто письмо или записка. Странно, что чернила не смыло временем. Линия букв была четкой и ровной. Мишка бережно сложил листок и сунул за пазуху, как самую дорогую находку.

Так они копались до еды. Слов «обед», «завтрак» и «ужин» тоже не было в лексиконе, вообще, местный язык был гораздо беднее земного. Ели всухомятку, усевшись на камнях, потом ходили к «тому камню», напились ледяной воды из озера и, пока, все отдыхали, мальчишки залезли на край цирка, который уходил в долину и увидели далеко уходящие вниз цепи невысоких гор, сплошной камень, серое на сером. Ничего особенного разглядеть не удалось.

«Каменная шкура» – вспомнил Мишка слова отца – «там никто не живёт, вся вода уходит под скалы и ни один зверь не находит еды в этой пустыне». Взгляд его, скользя по серому пространству неожиданно упёрся в тело живого воина, оказывается, охранник стоял и здесь, по это сторону цирка и был он всего в двух шагах, просто мальчишки его сразу не заметили.

– Туда не надо ходить – сказал воин.

Уважая сына мэтра, он не послал его подальше, а сказал это вежливо. В ответ на такую галантность, Мишка достал найденный листок и показал часовому с уже надоевшим вопросом, ожидая такого же непонимания, как и от других:

– Что это?

Тот серьёзно обнюхал и разглядел листок и сказал то, что так надо было узнать:

– У Вождя много таких шкурок. Только это – мусор. Ничего не стоит.

Мишка задал ещё вопрос, который мучил его весь день:

– Почему здесь нельзя жить? Зачем ходить так далеко каждый день?

– Здесь плохое место. Эти камни высасывают силы. Ты разве не знаешь? И здесь нет хороших пещер.

Мишка знал. Точнее, его тело помнило, но разум землянина не понимал местных ограничений, так что спорить он не стал, а только кивнул и побрёл к своему месту. За ним побрёл и Пашка, очарованный шикарными настоящими боевыми ножами и кожаным панцирем воина.

К концу работы в глазах уже всё сильнее мельтешили камни, кости, грязные обломки, Мишка и не заметил, как под вечер из пещер вылезли грязные и веселые искатели, как все собрались, пересчитались, загрузили корзины и потянулись в обратный путь.

Он шел как лунатик, не глядя по сторонам, видя перед собой Пашкины ноги, и думал только о том, как бы не рухнуть и не опозориться. Ввалившись в свою пещеру, бревном свалился на лежанку и уснул.

Очнулся от шума. Оказывается, его искали, выкрикивали имя, и мать с тревогой расталкивала что-то опять натворившего сына за плечи:

– Мроган, выйди из сна! Выйди, малыш! Ну, сделай хорошее, тебя ищет вождь!

Мишка открыл глаза и с трудом сел, а мать быстро переодевала его в чистую накидку. При этом вылетел листок, найденный сегодня, который мать с тревогой подняла и, отдавая Мишке спросила:

– Это тот самый кусок кожи? Зачем он тебе? Ох, боюсь я за тебя, сынок.

КНИГА

(Мроган)

Появился отец, одетый не просто в чистое, но и с шиком. На его шее красовался меховой шарф, за спиной торчали рукояти богато украшенных боевых ножей в чехлах.

– Пошли, малыш. Что ты на этот раз натворил?

Голос отца был не слишком строгим и я понял, что сегодня бить не будут. Мы прошли по коридорам пещер, миновали места, где жили другие отряды и я с удивлением понял, что здесь моё тело еще не было, очевидно, сюда не всех пускали.

Пещера Вождя ничем особенным не отличалась от других, только была завешена красивой меховой шторой, на которой на прекрасном голубом фоне красовались какие-то диковинные животные, яркие пятна знамен и непонятных символов. Пещеру охраняли два воина, а от входа к ним направился мэтр соседнего отряда, которого я много раз «видел», только не так близко. Наверно, сегодня было его дежурство.

Он отодвинул полог занавеса и мы вошли. Вождь сидел на камне, покрытом шкурами, за небольшим столом, напротив него сидел Колдун. Стол был простым, походным, сплетенным из лозы и накрытый шкурами. Старшие сидели попросту, по-домашнему и чему-то смеялись. Увидев нас, оба встали, а Вождь раскинул руки, как будто обнимал отца на расстоянии, и приветствовал его, как полагается по этикету:

– Синего неба тебе, брат мой!

– И долгой жизни тебе, брат!

В это время моё колено как и вчера, само по себе согнулось, и я встал на него, опустив еще и голову, а отец обошелся только преклонением головы. Сегодня Вождь был не тот, что во время футбола, в шикарной голубой мантии он выглядел величественно и торжественно, даже не верилось, что вчера прыгал как мальчик за дрянным кожаным мячиком.

– Садись, мэтр Крориган! И ты садись, маленький непослушник!

Мы сели на стоящие у стола камни и отец долго рассказывал, как прошел день, где мы были, что нашли, и что никто не заболел, короче, производственный отчет по полной форме. Вождь слушал, не перебивая, только без особого интереса, видимо, это всё было привычно. Отец замолчал. Вождь о чем-то задумался и вдруг посмотрел на меня:

– Ну, так что ты нашел, сын мэтра?

Я не сразу понял, что он имел в виду и начал рассказывать о находках, о столе из камня, о тканях и прочих вещах, малозначащих для меня, но имеющих цену для Вождя, но он остановил меня.

– Нет! Не об этом я тебя спрашиваю.

Больше я ни о чем не мог сказать, кроме как о кусочке кожи за пазухой. Я достал этот лоскуток и протянул Вождю

– Только вот это, мэтр, но мне сказали, что оно ничего не стоит.

Вождь взял кожу и передал колдуну, который сидел так тихо, что я и забыл про него.

- Почему же ты взял это?
- Я хотел понять, что оно значит и для чего сделано.
- А если это просто кусок одежды? Заплата? Рвань?
- Тогда зачем эти ... – я чуть не сказал «буквы», но в словаре иритов не было этого слова.. – знаки? Они повторяются.
- И что ты подумал?
- Ничего. Я всех спрашивал, а один воин сказал, что у Вождя много таких. Но он тоже не знал, зачем оно нужно.

Я, конечно, врал и рисковал головой, точнее, задницей, но вряд ли им в голову могло прийти, что я умею читать и знаю слова «книга, письмо, записка», тем более, что этих слова не нашел у иритов. К тому же я не шпион какой-нибудь, я их соплеменник, сын мэтра, чего мне бояться?

Я попробовал вовлечь колдуна в беседу, его молчаливая, неподвижная фигура таила тревогу и опасность, неважно, что он сказал бы, лишь бы не молчал как рыба:

- Я подумал, это нужно, чтобы отгонять злых духов..

Но колдун на моё выступление никак не отреагировал. Ответил Вождь:

– Разве мы не отгоняем силы Зла обращением к нашим Заступникам?.. Но ты прав, это необычная находка, на этом кусочке кожи изображены правила охраны Дворца. Понять их мог только мудрец, или тот, кто учился, поэтому никто тебе и не ответил, что это такое. Даже твой отец не знает. Как же ты сам догадался?

В его голосе явно появилось давление, даже угроза и мой голос сам залепетал:

– Я ничего и не понял, кларон, я только заметил, что это сделано специально, а многие знаки повторяются как близнецы, как одинаковые листья и ли цветы. Мне стало интересно.

- Так, может быть, ты хочешь стать мудрецом?

Краем глаза я увидел, как напрягся отец, застыв неподвижно, и вспомнил вчерашний разговор о «думающих»:

- Нет, мэтр. Мой отец воин. И я стану воином!

В школе я немножко играл роли в маленьких спектаклях и помнил, что главное для артиста – быть убедительным. Важно «подать» роль!

Вождь улыбнулся. Он сам был воином и все люди его клана были воинами, смелый ответ попал ему в самое чувствительное место души. Тогда неожиданно зашевелился колдун:

– Прекрасный ответ, мальчик. Надеюсь, что так и будет. А на прощанье позволь сделать тебе подарок. Он тоже «ни-че-го не стоит», как ты сказал о своей находке, эту вещь хотели использовать для сметания мусора, может быть, тебе она покажется «ин-те-рес-ной».

Он явно выделял голосом мои же цитаты, передразнивая мои интонации, ехидничал, но при этом неожиданно и театрально, как фокусник, извлек из своего плаща и протянул мне то, от чего мои руки просто задрожали. Это была книга. Это я понял сразу. Тонкие листы были

сшиты кожаным шнурком, как спираль через отверстия в листах. Обложки не было, но на первом листе явно угадывалось и название, буквы которого были и выше и покрыты красной краской и менее значимые пояснения.

Но спектакль надо было доигрывать до конца и, повернувшись к Колдуну, взяв с поклоном книгу, я голосом, которому постарался придать невинности, спросил:

– Можно ли узнать, что это такое?

– Здесь изображена знаками основа мудрости. Её первые шаги. И если ты достаточно умён, то сумеешь понять это. Сам! Никто в клане тебе не поможет. И тогда мы ещё с тобой встретимся. А если не сумеешь, то мы ничего не потеряем. Ведь эта находка «ничего не стоит»!

Последние слова он опять произнёс, передразнивая меня, но вполне дружелюбно, после чего встал. Вскочили и мы с отцом, поняв, что разговор закончен. Оказалось, что не совсем. Вождь взял моего отца за руки и закончил напутствием:

– Я слышал, что твой сын отличился тем, что угадывал назначение многих находок. Пусть он и дальше этим занимается. И пусть спокойно пройдёт ночь!

Мы откланялись и побрели к себе, в пещерах уже совсем стемнело, многие уже спали, только редкий свет факелов показывал нам направление пути, но отец хорошо знал запутанные переходы и мы вернулись, попав в встревоженные объятия матери, которая начала нас кормить, доставая тёплые ещё куски из меховых мешков, в которые их закутала.

И опять я заснул в тепле и блаженстве. День прошел, а что будет завтра – стоит ли думать о таких пустяках.

Потянулись почти одинаковые, монотонные дни. Мы так уставали, что думать о развлечениях было некогда. Работа, дорога туда-сюда, воинский танец, который становился всё сложнее, выходы за водой, за топливом, точнее, за прутьями, которые надо было собирать в небольшой соседней долине, отнимали все силы и время.

Иногда я видел малышей, которые лупцевали мой «мяч», но сил присоединиться к ним не было, тем более, что это случалось по возвращении, когда пацаны с визгами бежали из своего «детского садика» к родителям.

В свободные минуты я доставал книгу и пытался хоть что-то понять, слова мудреца уязвили моё детское самолюбие, я не мог забыть их ехидный тон и того, кто уязвил меня, мальчика из двадцать первого века, понимающего, что такое электричество и ядерная энергия, подумавшись, жалкий шаман из средневековья.

Но книга молчала.

Я пытался составить алфавит речи иритов, разбивая слова на слоги, подставлял наиболее часто встречающиеся звуки к часто повторяющимся знакам, но только извёл себя этими попытками, мне не хватало взрослого умения записывать всё по порядку, да и просто обычной тетрадки с карандашиком. Если я и делал пометки на полях угольком, они стирались, не принося мне никакого понимания.

Но кроме этой книги у меня всё равно не было никаких развлечений. Затосковал и Пашка. Мы перестали с ним подолгу разговаривать, вспоминая Землю и наши приключения, реже виделись, и я заметил, что он всё больше льнёт к опытным воинам, выпрашивая у них боевые кинжалы или пращу. Вскоре у него появилось своё ременное оружие, которым он научился пользоваться везде, где удавалось выкроить хоть несколько минут свободного времени.

Загрустила и сама погода. Всё более хмурым становилось небо, всё короче светлое время и ириты вечерами обсуждали предстоящий переход домой, в настоящее жильё.

С приходом холодов мы все перешли работать в пещеры, точнее, в подземную часть Дворца, там было теплее и находок было больше, только глаза уставали от работы в почти полной темноте, так как факелы надо было экономить. И опять я несколько раз чувствовал, как мои внутренности ведут тело к находкам, прятаясь в незаметных местах, по которым прошли сотни сотен ног.

Для развлечения, изредка, всем кланом устраивалась охота на грызунов, типа сусликов, которые составляли основную часть нашего рациона, кроме того, их мех использовался для изготовления одежды, а жир – для факелов. Именно вонь этого жира была моим первым воспоминанием о здешнем мире.

Ириты расходились широким кольцом вокруг одной из полян в нашей долине и по общему сигналу начинали сходить, крича при этом во всю глотку, швыряя камни и создавая невероятный шум всеми доступными средствами. Грызуны, покидая свои норы, сбегались к поляне, где их ждали сети и кривые ножи охотников. Это было весело.

В пещерах среди раскопок было опасно, порою обрушивались еле державшиеся своды старых потолков, напряжение работы было очень высоко, хотя мне этого почти не досталось, так как с «повышением в должности» я только и занимался ощупыванием, обнюхиванием и осмотром старого противного барахла, даже пошутить было не с кем.

Чудо произошло, как и всегда, неожиданно, когда его уже не ждёшь, однажды, перед сном, я держал в руке маленькую фигурку мудреца и тупыми глазами смотрел на страницы своей книги. Что побудило меня сделать это, не знаю, случайность, везение, или награда высших сил за упрямство, но когда я положил книгу, устав смотреть на неё, рука моя самым естественным образом поставила куклу мудреца на один из знаков в книге.

Мне показалось, что стена одной части пещеры вдруг поплыла и растаяла, а вместо неё открылась комната, или, скорее, келья, в которой сидел за столом худой старец, увеличенная копия моей куклы, только без плаща, в халате и маленькой шапочке на голове.

Он посмотрел на меня, не узнавая, и вдруг спросил весьма грубо
– Почему ты начинаешь со средней части, если ещё не выучил начало? Спешешь к знаниям или настолько туп?

Никакой радости в его голосе я не почувствовал, скорее, наоборот, рука сама быстро сняла куклу со страницы, и я проснулся. Стены в пещере имели свой обычный вид, но строгий голос старого мудреца ещё стоял в ушах настолько реально, что не верилось, что это был просто сон.

Я взял фигурку, долго думал и, выжидал, не осмеливаясь повторить эксперимент и, наконец, решившись, поставил её на заглавие на самой первой странице. И произошло то же самое чудо, только теперь старик имел доброе лицо и спросил меня с интересом:

– Приветствую тебя, думающий. Ты уверен, что хочешь познать мудрость нашего учения?

– Да. Уверен.

– Ты не боишься трудностей и тяжёлого труда?

– Нет, я не боюсь, мудрый.

– Знаешь ли ты, что попав сюда, ты никогда не станешь воином?

– Да, мудрый, я знаю.

– Тогда заходи.

И я «зашел». Моё существо перенеслось в келью, хотя я и знал, что лежу на своей лежанке в пещере своего отца. Старик был очень приветлив, как моя учительница в первом классе:

– Запомни и повтори: самое главное – переходить к следующему уроку только освоив предыдущий. Если ты не освоил урок – работай до конца, а если не сможешь, уходи.

– Я понял, мудрый, только освоив урок, понял. Я понял!

– Тогда слушай. Я расскажу тебе основу знания, а потом ты будешь получать отдельные задания для выполнения.

Наш мир мы видим таким, каким позволяют нам наши органы. Зрение, слух, нюх, прикосновения, жар огня, холод льда – вот что может чувствовать наше тело, и из всего этого мы создаём образ Мира. И называем словами то, что узнали и если наши ощущения совпадают, то мы можем общаться и называть части мира на своём языке. Я говорю «камень» и ты знаешь, что он твёрд, но хрупок, может нагреться, а может стать холодным как лёд.

Я говорю «вода» и ты знаешь, что она переливается, её можно нагреть и даже превратить в туман, а можно заморозить и она станет твёрдой как камень.

И так все вещи, которые ты видишь. Но твои глаза видят не весь свет, ты не можешь видеть в темноте, как летучки, ты не можешь по запаху вчерашнего следа найти на охоте добычу, ты слышишь не все звуки, а ведь есть звери, которые их слышат и чувствуют.

Значит, мир сложнее, чем ты думаешь. Так вот, знание мира и есть настоящая мудрость. Знать то, что ты не видишь и не слышишь – вот твоя задача. Познав мир, ты сможешь правильно управлять им.

А что есть волшебство? Это то, что мы видим как результат, но не понимаем причину. И чем ты глупее, тем больше событий кажется тебе волшебством, а чем больше ты знаешь, тем ближе ты к тем, кого называют волшебником. Или колдуном, это одно и то же по смыслу.

Главное, что ты должен запомнить: всё крупное в мире состоит из мелкого. Камень состоит из зёрен, зёрна камня – из песка, песок из пыли и так далее, только твой глаз этого уже не может видеть.

Вот, смотри, простой камень (он взял прямо из воздуха кривой обломок). Он твёрд и сломать его можно только сильным ударом. Но если ты сумеешь тонкий слой его в середине превратить в пыль, камень сам развалится на части (он посмотрел на камень и в его руке кусок разделился на две половинки, потом ещё на части).

Я не бил его и не делал ничего особенного. Я просто взял силы, которые скрепляли песчинки и приказал им развернуться наоборот. Они стали отталкиваться и камень развалился.

Заметь, думающий, я не видел этих сил, не бил по куску, как это делают каменотёсы, я знал, что силы там внутри и просто приказал им. Вот этому ты и должен научиться.

Но чтобы приказывать, надо знать, в чём суть, в чём главное свойство того, что ты хочешь изменить. А для этого надо понимать, как устроен мир. Камень сломался потому, что разделённые в нём части не могут сами сложиться. Это мы называем словом «хрупкий». А можно ли так же сломать воду? Нет, потому что её частички сразу же соединятся.

Можно ли сломать огонь? Ветер? Свет? Нет, конечно, и каждый раз надо сначала ломать свою голову и узнавать. Ты понял, что я сказал, думающий?

– Да, мудрый, я понял. Я не всё запомнил, но понял. Что мне делать дальше?

– Вот тебе первое задание. Научись сбрасывать камень.

Неважно, как. Пробуй, думай, учись. Но еще раз запомни: мир состоит из частичек таких мелких, что нет им ни названия, ни понимания, насколько они мелки. В пустом воздухе столько частиц, что из них можно сделать любой предмет, если уметь.

Он опять шевельнул рукой и в ней появился шарик света. Это было так поразительно, что я поневоле ахнул. Это я-то ахнул, видевший лампы электричества по сто ватт и лампочки в фонарике и светодиоды, я ахнул как питекантроп, увидевший зажигалку, но шарик остался у меня, он только переполз в крохотную руку кукольного колдуна и это было чудо.

А келья мудреца захлопнулась, в моей руке остался светлячок в руке куколки, да ещё исчезла красная окраска букв на первом листе книги. Зато засветилась цветом первая буква на следующей странице и я понял, что никакие это не буквы, а числа, цифры, это просто номера и заголовки заданий, которые мне предстоит освоить.

ДРАКА

(рассказчик)

Шли дни, они сливались в «пятерики» – восьмидневки, и «восьмушки» – месяцы. Однообразная и тяжелая работа утомляла не только своей трудностью, но и монотонностью, давившей на мозг. Но детский характер не мог позволить себе уныние, свойственное взрослым, шалости и проказы разбавляли скуку и уныние, а весёлый смех часто радовал не только родителей, но и всех взрослых.

Пашка улучшал свою пращу, срастался с ней, и всё свободное время метал обломки камней по мишеням. Его результаты были удивительны, например, он ставил пять камней на двадцати шагах и по очереди сбивал их пятью бросками, чего не мог сделать никто из мальчишек.

Он становился всё сильнее, танец ножей исполнял с недетским неистовством, в нём постоянно горела неутомимая искра движения. Своё первое ремённое оружие давно отдал другу, тщетно пытаясь вовлечь его в настоящее мужское занятие вместо гляделок с камнями.

На фоне этого сгустка энергии Мишка казался застывшим куском льда. Он часами смотрел в одну точку, почти не мигая, злился на себя и всё больше становился чужим и непонятным, полным странной тайны.

Однажды Пашка смог сделать то, чего не успел ни один из воинов. Конечно, ему повезло. Была пауза для еды, все отдохали, присев у свёртков с лепёшками и кожаными бурдючками с напитком. Пашка, по своему обыкновению, метал камни, отойдя в дальний угол одной из пещер, где работал отряд.

Поэтому он первый увидел, как какая-то серая масса, издали похожая на большую крысу, или на маленького динозаврика, стала подбираться к группе женщин, отдохавших и весело обсуждавших дикие прыжки расслаблявшихся от работы детишек.

Пашка не рассуждал долго, а поскольку камни были уже наготове, в быстром темпе саднул ими в голову незнакомого животного, первым ударом он ошарашил зверька, заставив замёрзнуть от боли и неожиданности, а вторым перебил позвоночник, попав в основание черепа. Остальные камни попали в уже неподвижное тело, добавив только грохота в общую картину.

Первыми опомнились воины и бросились на защиту женщин, но всё уже и так было сделано. Оказалось, что эта редкая пещерная летучая тварь имела на груди панцирь, твёрдый как камень и убить её можно только сзади. А вот острые ядовитые когти, заражавшие жертву трупным ядом, были готовы процарапать шкуру любой из женщин, после чего ей грозила медленная смерть. Лекарства от яда не знал никто в клане.

Сам Вождь вечером этого же дня произвёл посвящение Пашки в Охотники за спасение слабого и за убийство опасной гадины. Конечно, повезло, но мало, кто больше Пашки был достоин этого везения и великой чести стать Охотником до Дня Посвящения. Больше всех был горд его отец. Ещё бы, сам воин, он воспитал такого помощника себе, на счастье всему клану.

Мишка, конечно, радовался успехам друга, но радость всегда ходит рядом с печалью. Пашка теперь по утрам уходил на охоту, для него началась совершенно новая жизнь, проходив-

шая в другом ритме, он раньше вставал, приходя, падал спать, или по нескольку дней не приходил вовсе, набрался взрослых словечек и совсем перестал разговаривать с Мишкой об их прошлом, потому что его полностью поглощало яркое настоящее.

А у Мишки ничего не получалось. Совсем ничего.

Ну, казалось бы, чего проще, если перед тобой лежит куча песка, набрать его в руку, слепить комок и швырнуть в упрямый камень так, чтобы тот сдвинулся хоть чуть-чуть. Но камень стоял как вкопанный, ничего не шевелилось.

Мишка давно бы бросил это занятие, но маленький светлячок в руке куклы светил ровно без всяких батареек и лампочек, это было чудо наяву, и он хотел узнать, как повторить его. Поэтому в свободное время отчуждённо уходил подальше от всех, почти как раньше Пашка, только в другую сторону, не на свет, а в темноту и сидел тихо и неподвижно, как могло показаться при взгляде со стороны. Однако в душе его бушевали такие силы, что ими можно было бы расшвырять по кускам всю пещеру.

Безуспешно. Один только раз вокруг стоящего обломка появился фонтан песчинок, не сдвинув его, но дав надежду, ведь это тоже было необычно. И это всё.

Мишка не видел, как вокруг него сгущается опасность. После ухода Пашки он лишился крепкого и верного защитника. Зато остались мальчишки, неуёмная энергия которых требовала постоянного выхода. На какое-то время они, как и Пашка, увлеклись пращей и метали камни с грохотом, соревнуясь и достигнув неплохих результатов.

Но потом сорванцам показалось скучным это однообразное занятие и они обратили свои юные, слегка садистские наклонности против слабых, как это всегда делается во всех мирах Вселенной.

Группа подобралась «по интересу». В ней сконцентрировались те, кто чувствует себя смелым, только унижая других. Постепенно подминая более слабых одиночек из своего отряда, герои начали обращать взоры в другие, менее знакомые и вызывающие любопытство.

И случайно, в соседнем «забое» увидели застывшего чудака Мрогана, который в своей отрешенности казался прекрасным объектом, совсем безобидным, скорее, чокнутым, а за это, как известно, в мальчишеском мире бьют ещё сильнее. И давно бы отмутузили, если бы не дефицит времени. Работа помешала.

Они пришли в перерыве из соседнего подземелья, где работал их отряд. Четверо удальцов хотели, всего-то, поразвлечься. Молча окружили одинокую фигуру и старший, Брекер, который был сыном мэтра, а потому, самый смелый и наглый от постоянной безнаказанности, подошел сзади так близко, что не мог бы долго оставаться незамеченным, хотя бы из-за своего запаха, для усиления которого он добавил звук радостного послеобеденного газовыделения. Такое оскорбление в клане просто необходимо было смывать и только кровью, так уж заведено.

Но Мишка в этот момент смотрел на объект своих мучений и ничего вокруг не замечал. Он пытался выполнить новую идею – представить, что камень стоит на пленке из песчинок, которая, если за неё потянуть, сдвинет весь кусок. Казалось, что вот-вот должно получиться,

когда в тишине неожиданно прозвучал гадкий по своему назначению голос, обращенный именно к нему, почти в самое ухо:

– Ну что, Мроган, ты, говорят, кидаешь камни не хуже своего друга, поэтому даже не тренируешься, а не хочешь ли долбануть меня в лоб, если ты вообще знаешь, что такое праща?

Из невежливой этой речи Мишка, очнувшись от своей глубокой задумчивости, понял только то, что сейчас его будут бить. Во всяком случае, попытаются. Если бы он сразу, вывернул обидчику руку до боли, или в кровь разбил бы ему нос или губы, то имел бы шанс выйти с малыми потерями, и поднятым лицом.

Однако, не успел, шанс уже уходил в сторону выступа в стене, на котором стоял неподвижным «его камень», так и не сдвинутый тренировками и усилием разума. Именно этот и взял Брекер, ровная форма сама просилась в руку. Один из услужников подал снизу ещё несколько обломков, которые дружно улеглись в кучку, предназначенную для воздействия на Мишкино сознание посредством ударов по телу.

– Может, покажешь нам, какой ты великий мастер?

Мишка знал правила этой «игры». Если начать юлить, скулить и тянуть сопли, то могут и вообще убить. Взрослые сидели далеко, темнота скрадывала участников мизансцены, и помощи ждать было не от кого

.Поэтому он непроизвольно начал тихонько пятиться, пока не упёрся спиной в двоих стражников сзади. Пришлось доставать свою плохонькую пращу и поднять с земли первый попавшийся в руку снаряд. Дальше отступить было некуда, и тянуть время – тоже.

Доказательством этой мысли был твёрдый предмет, уже летевший в его сторону. Более того, он летел в лицо. Дальше для Мишки время растянулось и всё вокруг застыло в неподвижности, гримаса противной злобы на лице Брекера и выражение садистского любопытства на лицах его группы поддержки.

И только камень летел неумолимо, немного вращаясь, неся с собой боль и позор.

От первого камня Мишка кое-как сумел увернуться, но вслед пошел второй и уже готовился третий, и он всем своим существом понял, что уворачиваться от этой пулемётной очереди никак не успеет и остаётся только с честью погибнуть в тёмной дыре. Вот только поги-

бать не хотелось так сильно, что в нём родилась и выплеснулась наружу незнакомая раньше вспышка ярости, смешанная с чувством гадливости.

Собрав комок «песка» из пространства, недоразвитый колдун сбоку ударил им по первому летящему камню, потом по второму и к своему удивлению и восторгу увидел, что летящие в него снаряды отлетают в стороны! Кинулись врассыпную стоящие сзади мерзавчики, не желающие получать раны вместо жертвы.

Мишка был возбуждён и счастлив. Он всё-таки справился, заставил камни сдвинуться, и когда окончательно убедился в своих новых силах, то последний снаряд завернул и подправил в полёте несколькими «ударами» и направил в лоб своего обидчика, который неожиданно для всех своих дружков рухнул с кровавой раной на лбу на пол пещеры. Именно поэтому камень и оказался последним.

Видимо, кто-то кричал, потому что к побоищу уже сбегались те ириты, которые были рядом. В стороне, дрожа от увиденного, стояла жалкая свита побеждённого, у Мишки из носа шла кровь, он стоял такой яростный, что к нему никто не решался подойти даже из взрослых, а потом победитель увидел удивлённый взгляд отца и рухнул к нему на руки, потеряв сознание.

Мишкина честь была полностью восстановлена. Зачинщика с компанией отвели в отряд к его папаше-мэтру с позором, а слава опытного мастера пращи прилепилась, наконец, к чудаку и тихоне, от которого этого совершенно не ожидали. Никто, кроме отца, опытного воина, в темноте не заметил, что Мишка вообще не пользовался пращей и камень летел необычно, но понять, что же произошло на самом деле, не смог даже он.

А сам Мишка после этой дуэли стал уходить для тренировок ещё дальше от всех, и, где бы ни был, в темноте пещер или на свободе, швырял всё, что мог, до изнеможения. От этих упражнений он быстро терял силы, начинала кружиться голова. Но счастье удачи и победы над собой так кружило эту голову в другую сторону, что он уже не хотел останавливаться. Даже после того как цвет первой цифры в книге изменился, задание было засчитано.

Теперь он получил второе задание – научиться уговаривать предметы выполнять то, что он просит, но не только не знал, как это делать, но даже не видел пути решения.

Постепенно о драке забыли. В клане началась подготовка к переходу домой. Холода начинали всё сильнее кусать иритов сквозь шкуры, по пещерам гуляли ледяные сквозняки, порою целыми днями шли противные затяжные дожди, несколько раз выпадал снег, который потом быстро таял.

Все в клане, и стар и млад, плели новые корзины, потому что старые уже порядочно пообтрепались в работе. Да и не годились они по форме, для переноски корзины шли другие, их плели более высокими и приплюснутыми к спине. В готовые короба заботливо укладывали свои самые ценные вещи и находки, которые заворачивали в шкурки и ткани, после укладки закрывали мехом и завязывали, корзины связывали попарно для переноски на плечах.

Так было всегда и для большинства эта работа была привычной, ириты смеялись, предвкушая радость возвращения, а вожди хмурились, прикидывая в уме те трудности, которые предстоит преодолеть.

Находок было очень много. Значительная часть из них была оружием, оно нарушало порядок привычной укладки, не влезая ни в какие формы, торчали своими длинными частями, особенно короткие копья, их ценность составляли и рукояти из крепкой кости и сами наконечники, которые очень высоко ценились внизу.

Охотники заготавливали запас еды, её коптили, сжигая старые корзины, женщины перешивали обувь и одежду, лагерь кипел шумом и днём и ночью.

ДОРОГА ОБРАТНО

(Мроган)

Вожди клана совещались постоянно, после этого отец приходил уставший, часто, раздраженный, и просто падал на ложе, немного отсыпался, а потом бегал по пещерам или делал такую же простую работу, как и мы все. Много раз я пытался узнать, что же там такое обсуждается, но он не умел говорить длинно, и всё старался скрыть таинственные воинские секреты, поэтому только с хитростью и вниманием я сумел постепенно понять вот что.

На пути клана нас, как обычно, поджидали всякие мерзости типа непогоды, горного рельефа, болезней, отсутствия топлива, но особо опасным было множество мелких шаек, которые всё время крутились рядом, жили внизу, шарили по хребтам, вынюхивали наши намерения, угрожали нападением. Так, оказывается, было всегда, потому-то днём и ночью дежурила охрана, бегала разведка, волновались вожди.

Никакие горы и морозы не могли отвадить наглых воришек, хоть что-нибудь им всегда перепадало. На марше по ночам они могли пробираться к спящим и воровать потихоньку, а днём обстреливали идущую колонну из засад и часто отбивали у растянувшегося по тропе клана часть корзин. Обычно в таких группках бегали два – три десятка оборванцев.

А в этот сезон разведчики принесли совсем невесёлую новость, особенно встревожившую вождей: несколько шаек вартаков объединились, пронюхав о хорошей добыче. Пока мы сидели в пещерах они боялись нападать, им сюда было непросто проскочить по охраняемой тропе, а нам легко защищаться и прятать беззащитных. А вот на открытом горном хребте, где негде укрыться, клан был более лёгкой добычей.

Была новость секретная и ещё более серьёзная – кто-то из клана решил продать свою верность за солидную часть добычи и сообщал врагам все подробности наших приготовлений. Вартаки, конечно, и без того знали, что у нас все мужчины перегружены, что в клане много детей и женщин, которых нужно хоть как-то защитить, а, значит, они станут дополнительной обузой для воинов.

Узнав заманчивые подробности про барахло, откуда-то из долин Сарпани и Иллирии просачиваются к нам мимо сторожевого поста в долине всё новые шайки и среди них есть и те, кто умеет крутить пращу и воевал в горах.

Эти сведения вожди получили от нашего разведчика (опять секрет), которому удалось пристроиться в одну из шаек, но кто у нас предатель, он не мог пока определить, связь с ним была редкой, шайка шастала в поисках еды и не часто встречалась с другими. Но общее число воров считалось уже на сотни.

А у нас вещей набралось очень много. Пока они валялись в глубине пещер, это было не так заметно, но при сборах, выволоченные наружу, забили все проходы. Добыча, одежда, оружие, запас еды, всё это традиционно переносилось на плечах в паре связанных удлинённых корзин.

Но воин с корзинами – это просто мишень. Руки его заняты. А напасть первыми невозможно, по очень простой причине, разбойники, не обремененные грузом, всегда могут легко

рассыпаться, мало того, если они от доносчика точно узнают время нападения, то смогут сами напасть на лагерь сзади, когда воины уйдут вперёд.

Конечно, невзрослым своим умом я не всё понял и не обо всём догадывался. Но главное было очевидно. Положение было очень трудным, поэтому постоянно прибегали гонцы разведчики и сообщали свежие новости, после чего проходили долгие бесполезные заседания, на которых торчал отец.

Несколько раз он брал меня в ближнюю разведку, в основном её задачей было определение проходимости тропы, наличия чужих следов и проверка мест возможных засад. Это было неопасно. Мне даже нравилось легко скакать среди воинов по узкой полосе, расчищенной от крупных камней, пересекавшей небольшой горный массив и выходящей на хребет, напоминающий издали длинную спину огромного крокодила.

По обе стороны от этой спины уходили в туман довольно широкие ровные долины, которые постепенно всё ярче белели от выпадавшего снега, почему-то не таявшего и лежавшего в глубоких складках местности.

На спине «крокодила», действительно таилась опасность, на ней были и крупные скалы, за каждой из которых мог сидеть целый отряд с оружием в руках, и мелкие обломки, готовые легко спрятать пару разбойников от главного оружия иритов – от пращей, вдобавок, из-за них очень удобно метать камни в беззащитного, неуправляемого противника.

В один из таких выходов, уже хорошо осмотревшись, я не выдержал:
– Отец, скажи, почему нельзя идти по снегу? Прямо в долину? Зачем нам эта тропа?

Вопрос, который я задал мэтру отряда, был не просто невежлив, для окружавших нас воинов он звучал просто неприлично, затрагивал авторитет вождя. И вождь имел полное право вlepить краткое объяснение по предназначенному для этого Природой месту.

Но не стал. Отец был мудр. И для того, чтобы ещё раз объяснить своим воинам сложность нашей общей задачи, спокойно начал объяснять непослушному сыну то, что виделось совершенно очевидно, и то, что я много раз уже слышал и раньше.

Снег – коварная дорога. Мягкий, белый, он грозит скрытыми ямами, под которыми таятся камни. Снег хитёр. Он способен завалить расщелину тонкой пробкой, создав ловушку. А может засыпать её полностью. Тогда ириты с тяжелым грузом увязнут по пояс и не смогут идти, а сверху их легко будет обстреливать. Видя моё неверие, отец свернул с тропы, и мы спустились к белому ковру.

Только тут я увидел и понял всем своим телом то, что он хотел сказать. Рельеф долины был таким же, как и наверху – обломки камней, торчащие мелкими острыми пиками, а вокруг них – ямы от подтаивающего снега, глубиной иногда – в рост взрослого воина. Провалишься – и надо с трудом выбираться. Что я сразу же и сделал, причем, нога в снегу застряла в глубине, в невидимой расщелинке, и отцу пришлось вытаскивать непослушного, барахтающегося сынка за уши.

А вот что касается обстрела, тут он перегнул. Если смотреть от следов на хребте, и даже от границы снежного слоя, то не так-то легко метнуть камень из пращи, до середины долины, а другого оружия у врагов не было.

– Прости, отец, я встану вон там, и пусть воины попадут в меня с тропы.

Отец был очень мудр. Он опять не рассердился, а послал воинов на тропу, чтобы убедить меня, упрянца, а мы вдвоём остались на снегу и по нему кое-как проползли в середину снежного языка, помогая друг другу.

Началась забава. Камни воинов не долетали настолько, что стало очевидно: в образовавшийся безопасный коридор мог свободно, с большим запасом, войти караван нашего клана. Даже когда обстреливающие по пояс увязли в снегу, приблизившись насколько это было возможно, и встали на втоптанное в снег тела своих друзей, чтобы иметь точку опоры, они и тогда не могли докинуть свои снаряды.

Оставалось только придумать, как пройти по этому ужасному рыхлому снегу, в котором и без груза ноги проваливались полностью и идти, казалось, было невозможно. Но эта загадка была неразрешима только для иритов, а для российской мальчишки, который полжизни проводит зимой на горках, ответ был абсолютно ясен. Я только не знаю, почему до этого не додумались наши вожди. Или охотники.

– Отец, я знаю, что надо сделать. Только давай, я расскажу тебе дома, если мы боимся ушей предателей.

Вечером меня тихо провели на военный совет. Не прибежал в пещеру посыльный, мы с отцом не надевали парадной одежды. Тихо и в нарушение всех традиций, потому что было неизвестно, кто бежит к врагу, один или нет, мужчина он или женщина, прошли в знакомую уже пещеру.

Тяжелые тела вождей, каждый из которых был большим, сильным воином, заставили меня испугаться, оробеть, но уверенность в правильном решении придавала сил. Это же нужно было для нас всех, а не мне лично. Вопрос задал один из мэтров, я от волнения даже не запомнил, кто именно:

– Отец твой сказал, что ты придумал что-то необычное, маленький непослушник? Ты уверен, что мы должны выслушать тебя?

– Да, мэтр. Мы ходили смотреть снег в долине. Там можно пройти.

– Но зачем уходить с хорошей тропы?

Я беспомощно посмотрел на отца, не понимая, они меня что, за идиота держат, что ли? Но отец спокойно кивнул мне головой, как бы подтверждая – говори.

– Если будет засада, то она будет на тропе.

– Наши воины разобьют любого врага!

Меня удивил хвастливый тон и бесполезность сказанного. Кричал другой мэтр, было такое ощущение, что они как мальчишки в песочнице, хвастают, кто дальше пописает, не думая о той проблеме, ради которой их собрали. Я решил идти до конца и объяснял им как маленьким:

– Воины будут нагружены. А сзади будут дети. И засада может оказаться тоже сзади. Кто спасёт детей?

– Но мы не можем вести себя как трусы!

– Сейчас не война. Нам надо пройти и всё. А воевать можно потом. Кто вам мешает вернуться и отомстить?

– Так что же ты предлагаешь, сын воина? Уйти в сторону? В снег по пояс?

– Да, уйти на открытое место, где засады не страшны.

– Но с тропы нас закидают пращники?

– Нет, мэтр. Мы с отцом пробовали. Наши лучшие воины не могли до нас докинуть камни с тропы, и, кроме того, те, кто с краю, могут закрываться щитами. А внизу долина намного шире.

– Ты умён, сын вождя. Но как ты пойдёшь по снегу? Ты пробовал?

Ты видел эти провалы? Эти острые иглы?

– Да, мэтр. Я видел. Я не пробовал, у меня ещё нет того, что нужно, но я знаю, как это сделать. А ещё я знаю, что врагам также нелегко будет добраться к нам по снегу, сколько бы их не было.

– И что же это за волшебные крылья, что понесут нас над ямами?

– Не крылья. Это надо делать так, мэтр. Надо сплести из прутьев крепкий щит, загнутый с одной стороны вверх, такой, чтобы он выдерживал вес воина-ирита с грузом и снизу прикрепить к нему мех ровным слоем. А сверху сделать крепления для ноги и ремни, чтобы привязать ногу к щиту. Такой щит надо сделать для обеих ног воина. И женщинам тоже. А для груза надо сделать такие же щиты, только большего размера, груз на снегу надо переложить на щиты, тогда руки воинов освободятся, а груз смогут тащить и женщины.

– Ты что, смеёшься? Как можно передвигаться с щитами на ногах?

И какая женщина сможет нести столько груза?

– Передвигаться, хоть и медленно, но можно, воин не будет проваливаться в снег, а женщинам поможет то, что долина спускается вниз, а вниз груз сам будет стремиться.

– Дайте ему щиты, пусть покажет.

Большой Вождь быстрее других понял, что именно я предлагаю. Мне дали два щита и я показал, как уложить мех, чтобы он не мешал двигаться, и привязал ремни. Мы вышли из лагеря и нашли небольшую яму со снегом, в которой я показал, как ходят наши российские чукчи – охотники – на плетеных лыжах.

Конечно же, я не стал сообщать и объяснять вождю непонятные русские слова. И не сказал, что давно знаю, как устроены охотничьи лыжи. Поняв, что моё предложение может нас выручить, он и так весь горел от предвкушения грандиозного перехода, который нам предстоял.

Мы вернулись на совет и начали обсуждать детали операции. Больше всего вызывало страх то, что враги могут пронюхать о новом плане и сделать себе нечто подобное. Правда, вартаки были большими лентями, но нам предстояло идти не меньше трёх дней и выдержать не меньше трёх ночей, пока мы выберемся в предгорья, где нас будет встречать отряд из клана на плотях и где по рекам можно сплавливать. А за три дня даже лентяй мог увидеть, понять и сделать то же самое, что и у нас.

Сомнения, конечно, оставались. Смогут ли ириты научиться ходить?.. Что там внизу?.. Нет ли ловушек и есть ли снег? На самом деле проблем было гораздо больше, и я даже вздрогнул, когда окончательно решение было утверждено самым неожиданным образом:

– Я тоже помогу!

Такую короткую фразу, выражая одобрение плана, швырнул наш колдун, который до этого сидел молча и все разговоры сразу закончились, видимо, его авторитет был здесь очень высок. Колдун очень долгим взглядом посмотрел на меня и в конце затянувшейся паузы добавил:

– А ты, Мроган, поможешь мне.

После этого меня выгнали, приказав молчать обо всём услышанном даже наедине с матерью. Отец вернулся поздно и, собрав весь наш отряд сообщил, что на совете решено из лагеря теперь никого не выпускать, кроме воинской разведки, всем связать новые щиты и он объяснил, что и как нужно делать.

На следующий день мы уже подгоняли снегоступы и по одному учили взрослых и больших детей правильно ходить по снегу. Я и Пашка метались от одного отряда к другому, потому что иритов было очень много и у них, конечно же, не всё сразу получалось. Никто не мог понять, зачем это нужно, а вожди не объясняли, сказали, что так приказал Большой Вождь. Мы измесили в кашу снег в нескольких ямах в зоне лагеря и кое-что началось получаться.

Охрана лагеря была усилена и ночью удалось задержать молодую парочку, недавно начавшую совместную жизнь, они пытались удраить из лагеря и в оправдание бормотали, что испугались нападения, которое нам грозило. Им не поверили и держали как пленников, хотя и не доказали, что именно они – лазутчики. Всё это я узнал отца. От меня он больше ничего не скрывал.

В такой суматохе проходили наши последние дни в пещерах.

В одну из ночей меня вызвал колдун. Сопровождающий воин потихоньку, втайне отвёл меня к нему в пещеру, в которую я попал впервые. Здесь царил тот же беспорядок, что и у всех остальных иритов, вещи увязаны в тюки, оставалась только постель и книги.

Их было немного и, в отличие от моей, они были в переплётках, но то, что это – книги, я понял с самого порога, точнее, от самого полога. Конечно же, мой взгляд приковали эти предметы, которые «ничего не стоили», а когда я посмотрел на колдуна, то увидел его очень внимательные глаза, которые, казалось, всё понимали.

– Ты ведь знаешь, что это? – спросил он вместо приветствия.

– Знаю, но только немного, мудрый, знаю, что в них хранится мудрость, но не умею узнавать её.

Мой лукавый ответ, казалось, удовлетворил его. Он странно улыбнулся, затем около его лица возник обыкновенный серый булыжник. Он повисел немного и, разгоняясь, полетел в мою

сторону. Пытаясь увернуться, я с ужасом понял, что не могу двинуть ни рукой, ни ногой, ни даже головой и сейчас получу в лоб, всё было как в схватке с Брекером.

Мой мозг не стал думать, надо или не надо скрывать мои новые способности, он просто отшвырнул камень в сторону, сказала тренировка.

– Так, так... Что ж, я и не сомневался в этом. Ты очень необычный мальчик, Мроган, мне жалко, что я не разглядел этого раньше. Хотя, раньше ты ничего такого и не делал, твои способности показали себя только после того, как ты потерялся в горах. Да, жалко..Столько времени пропало зря..Ну, ладно, сейчас надо говорить о другом. Так ты готов помогать мне?

– Да, мудрый, я готов, только не понимаю, чем.

– Ты был на совете, это твоя идея сейчас воплощается и в ней, возможно, и, впрямь, заложено наше спасение. Но ты слышал, враги могут достать нас тем же способом, они тоже умеют делать щиты и у них есть хорошие ловкие воины, которые очень хотят получить богатства силой. Такие быстро научатся плести нужные щиты. Так?

– Да, мудрый, я тогда не подумал об этом.

– Это не твоя вина. Ты молод и ещё не умеешь думать о соплеменниках плохо. Потом научишься, когда увидишь, какими мерзкими бывают подобные тебе и, боюсь, ты начнёшь ненавидеть весь род иритов, пока не обретёшь в сердце любовь и не научишься различать истинно доброе и истинно злое. Но не об этом сейчас... Не об этом. Слушаешь меня?

– Да, мудрый.

– Даже отбивая камни, как ты сейчас сделал, ты сумеешь помочь кому-то. Спасёшь воина, может быть, ребёнка. Но врагов много, очень много, их вой будет страшен, а вид омерзителен, их алчность в глазах будет вселять страх, дикий ужас в наши сердца. Сумеешь ли ты преодолеть его?

– Не знаю, мудрый, я никогда не видел больших сражений. Раньше наши воины легко, одним видом своим разбрасывали разбойников, а мать утешала меня.

– Твоя мать – смелая женщина. Поговори с ней об этом и научись мужеству быть слабым перед страшным врагом и побеждать свой страх. Сделаешь?

– Да, мудрый.

– Теперь о главном. Мне нужна... Может понадобится помощь. Один я не могу всё видеть и всё слышать, кто-то должен прикрыть мне спину. Понимаешь меня?

– Да, я готов, что угодно, только...

– Подожди. Ты уже ощутил главное – суть предметов, состоящих из Единой Пыли. Теперь тебе надо научиться подчинять себе предметы и просить их делать то, что тебе нужно.. Подожди..не спеши. Я знаю, что это – твоё задание. Вот, видишь, лежит на входе шкура? Она, конечно же неживая. Но она существует, она вот такая, какая она есть, это её суть. То есть она живёт своей жизнью и можно просить её делать то, что она может в своей жизни. А что она может? Может лежать, а может и сгореть. И если ты уговоришь её сгореть, когда войдёт воин и достанет оружие, она так и сделает.

– Запрограммировать? – сам не понимаю, как у меня брякнулось это слово из земного двадцатого века, хорошо хоть, что мудрец не знал его, но он понял, что я хотел сказать, своим чутьём, и лицо его напряглось подозрением:

– Как ты сказал? Что ты сказал? Какое слово?

– Прости, мудрый, я хотел сказать заставить предмет действовать по плану? Но разве это возможно?

– Остановить камень взглядом тоже невозможно, но ты сделал это. Заставь себя представить, что ты – вот этот кинжал на столике. Точнее, такой же как он. Ты его брат. Попроси, чтобы он согласился лишь шевельнуться, когда войдёт воин. Очень попроси. Понял меня?

– Да, я попробую.

Наступила долгая тишина. Я представлял себя братом кинжала, лежащего на столе, таким твердым, тяжелым и острым и просил его шевельнуться, всего – то. Я забыл о времени, о том, где я и зачем всё это нужно, прежние занятия уже научили меня концентрироваться.

Я просил каждую царапину, каждую полированную часть лезвия выполнить мою просьбу. Мне казалось, что ничего не происходит, всё застыло, но в какой-то момент, будто издали прозвучал хлопок в ладоши, прошуршал полог пещеры и вдруг кинжал на столе крутанулся на месте. Я очнулся и увидел уходящего воина. Полог еще колыхался.

– Да, я не ошибся в тебе, мой мальчик, неожиданно потеплевшим голосом сказал колдун. Мне кажется, что твой ум знает больше, чем ты сам себе представляешь. Запомни то, что ты сделал и попробуй это выучить ещё лучше, используй разные просьбы к разным предметам, сделай свои мысли живыми, разнообразными.

Как художник смешивай краски, и пойми, что просьбой ты можешь уговорить предмет сделать для тебя гораздо больше, чем ты добьёшься простой силой. Попробуй мыслью сдвинуть скалу, как ты сейчас отбиваешь камни, не хватит силы целого отряда колдунов, но если эту скалу уговорить, она сама пойдёт и рухнет туда, куда тебе нужно.

В бою у тебя не будет времени отдыхать, тело твоё устанет, отбив десяток камней, а так нужно беречь силы. Научись делать то, что принесёт тебе наибольший результат и станешь великим мудрецом!

Он отпустил моё измученное тело, а воин проводил его домой. Но мозг мой был, как никогда, напряжен и я долго не мог уснуть, обдумывая слова колдуна. Я старался не шевелиться, чтобы не разбудить родителей, так как теперь, когда почти все вещи были упакованы, мы спали все вместе на истёртых уже циновках.

Мне сразу хотелось что-нибудь придумать и я не нашел ничего лучшего чем попросить полог нашей пещеры приподняться, когда к нему будет подходить мама. Мне показалось, что ей будет удобно – подходишь, а дверь сама открывается.

Я представил себя шкурой, висящей рядом с пологом, этакой шторой, сшитой из мелких шкурок, представил лоскуты, толстые суровые нитки, проходящие из отверстия в отверстие, верёвку, на которой безвольно свисаю, я растворился в пологе и попросил его: сделай вот так, ну, что тебе стоит, приподнимись, а потом, когда мама отойдёт, опустишь вниз безвольно и свободно.

Так я «разговаривал» в темноте и немного отрешенно похихикал сам над собой, ведь, если подумать, чем я занимаюсь, то это же дикость какая-то, шарлатанство, шизофрения, причем не только для века нашего, двадцать первого земного, но и для местного тоже.

С этими мыслями я незаметно для себя заснул, а ночью проснулся от громкого женского крика. В темноте кто-то топал ногами, хрипло ругаясь, чиркал кресалом, поджигая факел. Потом прибежал воин из ночной охраны с уже горящим сковородником и помог зажечь наш, и голоса стали шушукаться и издавать удивленные восклицания, а блики огня от факелов в руках металась по стенам.

Потом шум стих, всё успокоилось, и я опять провалился в сон, под монотонное бормотание мужских голосов. Утром мама рассказала, что ночью было странное приключение – она встала пораньше, чтобы доделать какие-то свои дела, а когда подошла к выходу, шкура взметнулась вверх, как будто за ней стояло двое слуг, и мама так перепугалась, что закричала, тем более, что было темно, горел только маленький жировой светильник.

А потом прибежала охрана, и даже сам колдун появился, посмотрел на торчавший сверху полог, взмахнул рукой, шкура обвисла, и опять всё стало на свои места. А колдун объяснил, что это старые духи бродят по пещерам, и ушел спать.

Я впервые обрадовался той шерсти, которая покрывала моё лицо. Нет, конечно, и раньше чувствовал, как хорошо, что морда не мёрзнет на холоде, что не надо умываться по утрам, но тут было другое, если бы не шерсть, то моё лицо покраснело бы как флаг и выдало бы дурака с потрохами.

Мама еще долго удивленно бормотала о бродящих духах, душах, привидениях, удивляясь тому, что за столько лет они никак не найдут себе покоя, а я думал о том, какой я всё-таки болван, ведь мог поднять на ноги весь лагерь и устроить знатную панику! А ещё о том, что с волшебствами надо быть поосторожней.

Вообще-то, я не называл свои действия ни волшебством, ни колдовством, они не тянули даже на термин «фокус». Ведь ничего такого, мистического, я не делал, не учил сложные заклинания, не смешивал в сосуде, сделанном из человеческого черепа, редкие травы с лягушачьей кожей, не размахивал волшебной палочкой, наоборот, мои действия напоминали вид простого деревенского ремесла: ну, набрал в руку песка, хлестанул по летящему камню, ну, «поговорил» со старой шкурой, в этом не было ничего чернокнижного и романтического. Так!.. Проза жизни!

Другое дело – маленький холодный огонёк в руке куклы.

Но долго думать на эту тему не стал, потому что с раннего утра закрутились дела и времени на фантазии уже не осталось.

Я предложил отцу составить списки клана. Чтобы не путаться, сколько иритов в отрядах, сколько из них воинов, женщин и детей, есть ли больные, сколько воинов относятся к разведке, к охране в три смены, сколько поваров, кто будет лечить раны, если будет схватка и так далее, сколько у нас груза, хватает ли лыж, корзин, еды.

Отец молча похлопал глазами и побежал к Вождю, а тот, оценив совет, меня же и назначил на его выполнение, о чем я тут же пожалел. Мне пришлось сначала учиться писать, а потом по двадцать раз объяснять вождям отрядов, что от них требуется, после этого принимать по несколько раз их путанные сообщения и получать обидные тычки.

Грубые простые вояки не умели толком ни читать, ни считать, меня же в этом обвинили, но в конце концов, мы мирно перешли на самый надежный способ счета – натуральный.

Как—то незаметно я надолго переместился в штаб Большого Вождя, видимо, ему надоело искать меня через своих посыльных, это отнимало много глупого времени на беготню. А вопросы вставали самые примитивные, но, почему-то сложные для грубых голов простых воинов.

Теперь Вожди просто клали в мешочек камушки и приносили их мне, а я считал. Сколько иритов, столько камушков. Сколько корзин, то же самое. Правда, им пришлось несколько раз бегать по пещерам, но как раз это им удавалось легко, зато за день мне удалось нарисовать вполне приличную таблицу. Для этого сам Колдун выделил мне чистый лист пергамента и походную чернильницу с костью, в которую они заливались и выходили по капиллярному отверстию.

Ко мне приставили мальчика моего возраста, который был на побегушках, он затачивал уголки для разметки, отмывал пергамент, там, где я напортачил, заполнял кость чернилами, бегал в отряды, приносил еду и мне очень это понравилось, командовать даже одним слугой.

Хуже всего было то, что я так и не выучил пока ещё алфавита иритов и в черновике всё писал по-русски. Были и другие трудности. Оказалось, что система записи чисел у них путаная и неудобная, сложные числа записываются словами, понятие «тысяча» вообще не существует, так что в состав отряда входило «десять сотен и ещё девять сотен, а к ним семь десятков и шесть душ». Попробуй-ка запиши такие фразочки в таблицах

Пришлось разработать свой лэйбл, слово из нашего века, короче, простой знак в котором поперечные черточки означали единицы, вертикальные – десятки, а концентрические круги – сотни. Большого и не требовалось, ведь всего в пещерах жило около двух тысяч иритов в двенадцати отрядах. Главное, что Вождь мой знак понял, оправдывая своё звание.

Чтобы окончательно не запутаться, пришлось составить черновик для себя по-русски, еще такой же черновик на языке иритов, а самый чистый – для Большого Вождя. На этом этапе мне дали женщину, её звали Киртан-Ка, которая хорошо умела писать, так что через день я уже командовал целой конторой.

А потом мы составили графики движения, смены караула, смены дежурных по кухне, разведки, так что последние дни перед отправлением мне было не до родителей и не до занятий волшебством. Которым я всё равно занимался. В выделенной мне части пещеры предметы ходили ходуном, я развлекался уговариванием на всю педаль газа! При появлении посторонних падали корзины, крутились сиденья, бешено мелькало пламя в факелах и, наверно, пахло чертовщиной. А в моей книге начала светиться следующая цифра.

Всё было подготовлено для похода, и мы ждали только погоды, точнее, обильного снегопада и похолодания, хоть это и противоречило обычному укладу движения, но глупо было бы провалиться в тающий снег и оказаться доступными врагу в случае оттепели.

ПОХОД 1-й ДЕНЬ

(рассказчик)

За день до выхода был устроен обманный марш-бросок в сторону другой долины. Вожди хотели выманить на себя и запутать врага, узнать, насколько он близко прячется и какие у него силы. В этом броске участвовали только сильные и молодые ириты, потому что только они могли бы выдержать целый день ходьбы и на следующий опять двигаться с полной нагрузкой.

В ложный выход были собраны старые корзины, набитые остатками барахла, которое мы были не в состоянии утащить, имеющие вид обычных, полных. Вся остальная внешность была полностью такой же, как в настоящем переходе. Корзины решили сложить в тайник, хоть ценность их не очень велика, но всё же она была, мало ли что случится на черный день?

Колонна выстроилась ранним утром, также как при выходе на работу, когда темнота только начала сменяться рассветом. Ярко горели факелы, безо всякой маскировки, потому что надо было, чтобы разведка врага заметила выходящий отряд. Параллельно с колонной тенью проскользнули разведчики, в их задачу входило выяснение сил разбойников. Они и сами походили на разбойников своими серыми под цвет камня накидками, грязными лицами, и очень напоминали ходячие валуны.

К нашему удивлению, вечером выяснилось, что никто за обманной колонной не пошел, ни один вартак. Позже узнали, враги точно были уверены, что мы обязательно пойдём по старой тропе, на все сто, и так хорошо продуманная имитация не дала никаких результатов. То ли их информация была получена в обход наших запретов, то ли были неизвестные знаки, которыми они общались на расстоянии, это осталось в тайне. А вот то, что мы сойдём на снег, они не знали!

Весь клан двинулся на следующее утро. Сначала как всегда ушли разведчики, которые еще глубокой ночью выдвинулись вглубь гребня и замаскировались в камнях и расщелинках. У них в запасе были сигнальные факелы и шары из кожи, пропитанные жиром, в случае опасности каждый из них должен был успеть швырнуть вверх огненный знак. И погибнуть.

Хотя, нет, не совсем так трагично, у каждого подвязаны лыжи для подстраховки и всегда есть шанс удрать в ту сторону, куда наши враги не могли двигаться свободно. Но и опасность тоже сидела за каждым камнем, как колючки в кустах.

Потом воины начали перетаскивать грузы к снегу, к тому месту, где с перевала вниз устремлялся длинный снежный язык, наша «дорога жизни». Воинам помогали свободные женщины, а в это же время параллельно двигалась колонна с молодёжью и маленькими детьми.

До снега грузы пришлось таскать на себе, поэтому воинам пришлось побегать челноком, но вся эта беготня не заняла много времени, так часто бывает, что событие, к которому долго готовишься, происходит стремительно, как будто меняется скорость течения времени.

Вскоре на снежном откосе начала образовываться необычная лента – на разложенные плетеные коврики, подшитые мехом, укладывался груз в корзинах, их подвязывали к основе плетения и между собой. Туда же запикивались в самую середину дети, для которых груз ста-

новился защитой, после этого сзади прикреплялся следующий коврик, и постепенно длинная змея нашего каравана начала свой спуск в долину.

Все воины, женщины и большие дети, подходя к снегу, вставали на снегоступы и чувствуя свою неустойчивость, держались за петли веревок, специально прикрепленные для этого к коврикам. Тот, кто падал, оскользнувшись на непривычной опоре, легко поднимался, держась за петлю, и не рисковал соскользнуть вниз, хотя уклон здесь был, и весьма заметный. Многие уже были припорошены снегом, но страх перед ним постепенно пропадал, наоборот, к иритам приходила уверенность в том, что они пройдут.

На одной из плетёнок важно восседал колдун, его возраст и общественное положение позволяли ему эту вольность, а вожди гордо шли сами, хотя тоже частенько падали в снег, который становился всё глубже.

Долина из узкого ущелья начала стремительно расширяться, каменистые хребты удалялись в стороны, как берега широкой реки. На склоне лента двигалась сама и тянула за собой державших её иритов. Местами склон долины переходил в пологие участки, и даже ямы, и тогда женщины впрягались в те же верёвки, за которые держались и тянули змею вперёд. Им помогали и воины, которые сложили на те же коврики камни для пращей в старых корзинах и имели теперь свободные руки.

Опасности пока что не было видно. Постепенно, по одному, начали подходить разведчики, которых мы догоняли, они неожиданно отделялись от группы скал, совершенно невидимые на их фоне до тех пор, пока не начинали двигаться, спускались к краю каменной полосы, надевали «лыжи» и неуверенно скользя по снегу и падая в него, догоняли караван, всё-таки навыка движения ещё ни у кого в клане не было.

Из-за дальних гор появилось лицо Сияющего, осветившего странную процессию. Стало чуть теплее, хотя ледяной воздух не давал пока расслабиться. Матери постоянно шикали на детишек, которым не сиделось спокойно в своих гнёздах, раньше они никогда не передвигались в таком уютном безделии. Их ноги хорошо помнили тяжесть пеших переходов и ждали движения.

Так прошел почти весь день. Тяжелый караван не позволял развить большую скорость, но стабильность и постоянство перемещения компенсировали этот недостаток. В середине дня все сумели поесть прямо на ходу, не сбивая ритма движения, ириты осмелели настолько, что часть воинов из ночной вахты караула и разведчики сумели поспать на движущейся постели.

Примерно в это же время начали появляться над хребтами первые огненные шары – это последние разведчики давали знак о том, что враг рядом. Они бегом спускались вниз по каменистому склону хребта в долину и, думая о том, что это последний день в их жизни, смешно и неуклюже подгребали на снегоступах к каравану, неожиданно оказываясь в тёплых объятиях, в спокойной обстановке, которая казалась невероятной тем, кто всю ночь провёл рядом с врагом, каждый вздох ожидая смерти. Их кормили и укладывали спать.

Вслед за воинами впервые появились и грабители, с удивлением рассматривающие странное, по виду живое существо, плывущее по снежной реке. В пылу погони они, конечно же, были уверены, что гонят воина в ловушку и смогут вот-вот достать убегающего разведчика. Но камни из пращей, как и ожидалось, не долетали, а при попытке двигаться по снегу без

лыж, неуклюжие вражеские тела скользили, падали и вязли в нём, проваливались в глубокие трещины около высоких пиков камней. Догоняющие вартаки быстро оставляли свои попытки, поднимались наверх и двигались за иритами по гребню, следя за недоступным караваном изда-лека.

Наверно, сверху, с высоты облаков, это, выглядело красиво – две струящиеся змеи дви-гались одновременно, зелёная и чёрная, причём, чёрная стремительно росла и очень желала сожрать зелёную.

С этой высоты было, наверно, видно и другое, то, что еще не видели ириты, тянущие зелёную змею – на переходе к нижней террасе широкая долина резко сужалась и почти пере-секалась двумя моренами, древними осыпями камней, выступавшими из снега как спины гро-матных ископаемых животных.

Основная тропа, по которой сейчас бежали разбойники, видевшие, как ускользает закон-ная добыча, уходила в сторону от этого места, петлёй обходя его. Там пряталась основная засада, которая теперь стала абсолютно бесполезна.

Атаманы передовых отрядов, конечно же, знали об этом и быстро сообразили, что срочно надо всю свою шоблу выдрать из щелей, где они засели и пустить вслед за зелёной лентой, в горловину, естественную ловушку.

Но они настолько не были подготовлены к странному маневру своей добычи, что для сбора их разношерстного войска волей случая был оставлен только один способ – быстрый бег. Все заранее оговоренные сигналы могли означать только одно: «ИДУТ!». Хоть дымными кострами, хоть световыми зайчиками или маханием руками, знак был только один. Но при подаче этого сигнала начала бы петлёй сжиматься облава, сидящая в совершенно ненужном месте. Так что сигналы не последовали вовсе.

Зато раздались резкие окрики команд, долетевшие даже до ушей убегающих, и стрелой полетели с хребта гонцы. Сначала отсюда, с тропы, к главарям, греющимся в стороне у костров, а потом от них – к замёрзшим кучкам замаскированных в засаде. А уже в последнюю очередь – всей толпой к горловине. Время пошло. Началось соревнование по бегу с разными призами: богатая добыча или жизнь. Этого ириты не видели.

Но начали догадываться, когда дошли до того перегиба, с которого была хорошо видна картина опасного места. Как назло, для клана, именно здесь, в ловушке, снежная река долины выполаживалась, уклон постепенно уменьшился почти до горизонтали и теперь, когда скорость движения резко упала, все воины включились в гонку, спящих разбудили, они тоже впряглись в веревочные петли. Еще не видя своего врага, но, почувствовав опасность, ириты старались уйти от худшего. Вот только на бег это шевеление не очень походило, скорость зелёной змеи едва достигала уровня обычного шага.

Вожди, которые не раз были в этих местах, знали, что, пройдя зигзагом между моренами, их дорога стремительно упадет вниз по крутому склону и там начнется новая терраса, их спасе-ние. Но туда ещё надо было дойти, а сейчас ничего изменить в ходе событий они уже не могли. Оставалось только двигаться и просить богов о помощи.

Мишка, также как и все молодые ириты, тащил свою веревку и быстро понял, чем грозит им природная западня, взгляд его шарил по каменным поверхностям, по гребням морен, скалам, в поисках подсказки, решения, которое могло бы помочь спасти клан. Каждый вздох он ожидал, что сейчас вынесется сверху толпа страшных, оскаленных морд. Некоторые и так уже одиночками бежали достаточно близко, крича гадости и угрозы, звук которых долетал вниз отдельными фразами. Но пока что их было мало и они ещё были за дальностью обстрела, не рискуя спускаться.

Мишка на ходу спросил отца, где будет самое опасное место, и с его помощью увидел близко сходящиеся языки морен впереди, они чернели в снежной реке и позволяли врагу обрушить на зелёную змею целый град камней, засыпать, удавить. Конечно, воины клана – не безобидные девочки, но, втянувшись в перестрелку, ириты обрекали себя на долгую кровавую схватку, исход которой был пока непредсказуем.

Мишка, подумав, решился, отцепился от каравана и бегом поскользился к правой морене, а за ним двинулся и Пашка. Их не окликнули и своеволие не было наказано, потому что авторитет странного мальчика, друга колдуна уже был высок настолько, что ему прощались все вольности.

Лыжи у обоих мальчишек были не такие, как у остальных иритов, они сами плели их, рассчитывая на старые навыки, поэтому более длинные полозья позволяли лучше скользить по снегу, развивая скорость, достаточную, чтобы легко обогнать пешехода, и оба намного оторвались от ленты. Дома они по горкам катались неплохо.

Пашка успел нацепить на себя небольшую корзину с камнями и приготовил свою знаменитую пращу. Он не спрашивал, зачем Мишка помчался непонятно куда, но решил защищать его как когда-то в дворовых драках.

Черная громада морены с приближением оказалась гораздо объёмнее, чем казалась издалека. Сейчас она напоминала широкую, перерытую тракторами городскую улицу, уходящую высоко в гору, покрытую россыпью крупных камней, размером больше ведра. Для пращников такие камни не годились, а, значит, боезапас у врагов будет ограничен. Хотя бы это хорошо.

Но концы осыпей почти сходились. Камень пращи мог долететь от одного конца до другого, а к опасности нападения добавилась и другая, под снегом, по которому они передвигались, был слышен глухой рокот, там редела в ледяной трубе вода реки, задавленная сужением берегов, которая, пройдя горловину, уходила в сторону.

Конечно, можно было прижаться к левому берегу, разгрузить вещи, перетащить их ниже по течению, но это всё пришлось бы делать уже под ударами камней. Мало того, снег на льду был не так глубокий, как в долине и врагам по нему, пожалуй, можно было пройти. Во всяком случае, так казалось.

Мысли у Мишки металась беспорядочно. Времени на раздумья почти не было, отдельные черные фигуры в вышине уже прыгали по камням, спускаясь к реке. Наконец он увидел то, что искал. Посреди морены как громадная изба, торчал каменюка. Наверно свалился сверху, с горы, миллион лет назад, намного позже самой осыпи и застрял на ней, устав катиться.

Почти кубической формы, камень торчал, перекосившись на один угол, и перекрывал всю ширину осыпи. Пройти, не попадая в глубокий снег, можно было только в одном узком месте, огибая каменюку слева, вот сюда и устремился Мишкин взгляд.

Он начал быстро подниматься к камню, таща за собой хвостиком и Пашку, который тоже увидел и оценил хорошее место и подумал, ещё, что неплохо бы под камни поставить мины, как в компьютерной игре, маленькие кружочки, наступая на которые враги взлетали бы в небо. Или достать пулемет, и патронов к нему побольше.

Мишка, наконец, остановился, оглянулся на Пашку и, показав пальцем на приближающиеся фигурки разбойников, неожиданно застыл и начал что-то бормотать, глядя в сторону каменюки. Пашка поднялся чуть повыше по склону и стал ждать. Лыжи, подбитые мехом, позволяли ходить по снегу, как мухе по стенке стеклянной банки. Достал пращу, сунул несколько камней в складки куртки. Осмотрелся. Заскучал.

Это длилось бесконечно долго, после быстрого бега Пашкино тело требовало движения, поэтому, увидев вверху морду первого бандита, он даже обрадовался и быстренько засветил ему камень в лоб. Руки его не рассуждали, а просто сделали привычную работу. Сделали хорошо и темная фигура мешком застыла в карманах осыпи и пока что не шевелилась.

В ожидании второй фигуры, Пашка приготовил щит и взглянув вниз, увидел ленту каравана, который отсюда, с небольшой высоты был очень хорошо виден. И особенно очевидной была беззащитность иритов перед нападением сверху. Пашка знал, что даже он, юнец, может легко перещёлкать десяток воинов, пока они достанут его своими пращами, а если спрятаться между камней, то станет вообще неуязвим. Так что же тогда сделает большая толпа?

Оглянувшись наверх, он увидел ещё одного противника, выбиравшего куда ставить ноги, который, конечно же, не ожидал активных действий от двух мальчиков и очень поплатился за это своим здоровьем. За ним выскочил следующий, их количество явно увеличивалось. Дело становилось опасным. Еще один клюнул носом в камни, но взамен появилось двое.

Пришлось будить Мишку от непонятных и странных грёз с бормотанием и скатываться вниз. Уже половина клана прошла горловину ловушки, мальчишки съехали вниз со свистом в ушах, попав в объятия воинов, оценивших Пашкину смелость, все видели, как он подбил двоих, или даже троих, а что там делал друг колдуна, оставалось загадкой.

Мало того, добежав до каравана, чудаковатый мэтрел упал и окрасил снег кровью, которая пошла из носа. И позорно потерял сознание. Никчемного юнца уложили на ленту каравана, который неспешно продолжал втягиваться в горло. Воины не уважали слабаков. А вот друг его вцепился в веревку и радовал глаз своей сноровкой и горящим взором.

Когда сверху раздался мерзкий и неопиcуемый жадный рёв первых отрядов, увидевших свою добычу, воины были уже бессильны что-то сделать, кроме как идти и тащить. Спасать своих детей, свой труд, свою добычу, которая дала бы им возможность жить дальше. Единственной защитой для них был щит – тройной слой тонких прутьев в правой руке.

Каждый с ужасом ожидал, что сейчас на головы рухнет ливень, несущий смерть, каждый не раз был в боях и знал, кишками чувствовал, сколько времени нужно, чтобы с разбега оста-

новиться, достать, заправить, раскрутить и швырнуть, сердце толчками отсчитывало вздохи, вот сейчас... сейчас... Единственным оружием было движение и они шли.

Но поток камней так и не начался. Хотя следы обстрела и появились брызгами снега под ногами. Это швыряли наугад самые верхние, им приходилось целиться в небо, а удары были чисто психологическими. Вопли сверху становились всё сильнее и с осыпи, действительно покатались камни. Только не снаряды из пращей, это были крупные булыганы, проламывающие кромку льда и застревающие в снегу. Оглядываться было некогда, да и не хотелось открывать лицо, закрытое щитом.

Один только старый колдун увидел, как взбесились камни в узком проходе. Стоило только одному из мерзавцев сделать шаг, чтобы обойти скалу, снизу подскакивал камень и сшибал смельчака с ног. Иногда эти камни уносило вниз, но другие исполняли ту же работу как громадные зубы. Только колдун смог оценить то, что сотворил юный Мроган и то, что не мог сделать он сам, вынужденный неподвижно сидеть среди детей и раскопанного мусора.

Но пришел и его вздох. Когда хвост каравана миновал узкое место и начало уходить в сторону рычащее подо льдом русло реки, старик, также, как недавно его ученик, стал бормотать непонятное, глядя назад. И в этот момент они были похожи друг на друга, как дед на внука.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.